

Однажды вечером в Париже

Автор:

[Николя Барро](#)

Однажды вечером в Париже

Николя Барро

Азбука-бестселлер

Ален Боннар, владелец «Синема парадиз», крохотного кинотеатра в Париже, показывает фильмы для небольшого круга постоянных посетителей. В «Синема парадиз» царит атмосфера старого кинематографа – это зачарованное место, потерявшееся во времени, где сходятся мечты и воспоминания. Каждую среду в кинотеатр приходит милая застенчивая девушка по имени Мелани и всегда садится в семнадцатом ряду. Однажды Ален приглашает ее на ужин и влюбляется в нее без памяти... Через несколько дней жизнь Алена круто меняется, его захватывает сумасшедший водоворот событий, которые случаются только в кино. Все это могло бы стать чудесным подарком судьбы, если бы не бесследное исчезновение Мелани...

Роман печатается впервые на русском языке.

Николя Барро

Однажды вечером в Париже

Nicolas Barreau

EINES ABENDS IN PARIS

Copyright © Thiele Verlag, 2012

Original title: EINES ABENDS IN PARIS

First published in Germany by Thiele Verlag

This agreement by arrangement with SalmaiaLit

All rights reserved

© Г. Снежинская, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Что бы ты в жизни ни начинал – все делай с любовью.

Из фильма «Новый кинотеатр „Парадизо“»

1

Однажды вечером в Париже, спустя год, наверное, после того, как вновь открылся «Синема парадиз», и ровно два дня, как я впервые поцеловал девушку в красном плаще и, от волнения теряя голову, ждал нашей новой встречи, – случилось нечто невероятное. Событие, перевернувшее всю мою жизнь и превратившее мой крохотный кинотеатрик в зачарованное место – место,

где сошлись мечты и воспоминания, где грезы вдруг стали явью.

Во мгновение ока я сделался персонажем истории, прекрасней которой не может быть ни один кинофильм. Меня, Алена Боннара, что-то подхватило, сорвав с привычной орбиты, и бросило в круговорот величайшего приключения всей жизни.

«Ты – человек периферии, созерцатель и наблюдатель, ты предпочитаешь держаться подальше от центра событий, – сказал мне однажды Робер и добавил: – Да ладно, чепуха, не думай об этом».

Робер. Во-первых, мой друг. Во-вторых, астрофизик и может порядком проесть плешь, когда законы астрофизики начинает примеривать к обычной жизни.

И вдруг я перестал быть только наблюдателем и очутился в самом центре непредвиденных, бурных, умопомрачительных событий, от которых захватывало дух и временами мутился рассудок. Судьба преподнесла мне подарок, я, потрясенный, принял дар, но при этом чуть не потерял навсегда женщину, которую полюбил.

В тот вечер я вышел после ночного сеанса на улицу и огляделся: мостовая блестела от мороси и как-то нерешительно отражала свет фонаря, – хорошо помню, что у меня не было даже слабого предчувствия всех этих событий.

Не мог я знать и о том, что в моем кинотеатре «Синема парадиз» прячется разгадка тайны, от которой зависело все мое счастье.

Я опустил решетку на двери, потянулся, вдохнул полной грудью. Дождь уже перестал, лишь слегка моросило. Воздух был мягкий, пахло весной. Я поднял воротник, прошел шага два и тут в полумраке вдруг увидел маленького тщедушного человечка в светлом тренкоте и рядом с ним белокурую даму, его спутницу. Они стояли невдалеке, мужчина с любопытством разглядывал мой кинотеатр.

– Hi![1 - Привет! (англ.)] Скажите, это вы хозяин кинотеатра? – Американский акцент, его ни с чем не спутаешь. – Great film, by the way[2 - Между прочим, отличный фильм (англ.)]. – Мужчина пальцем показал на стеклянную витринку, с восхищением уставясь на черно-белый плакат – рекламу фильма «Артист».

Старомодная неторопливость этой картины, снятой в стилистике немого кино, просто потрясла зрителей, особенно в Новом Свете.

В ответ я кивнул, а сам подумал: «Ага, сейчас даст мне свой фотоаппарат и попросит щелкнуть их вдвоем на фоне витрины моего кинотеатра – положим, не самого старого в Париже, но все-таки одного из тех маленьких, старомодно-нафталиновых, плюшевых, которым в наши дни, увы, грозит вымирание». И тут этот тщедушный коротышка, приветливо глядевший на меня через круглые роговые очки, подошел ближе. Мне сразу показалось, что я откуда-то его знаю, вот только откуда?

– Нам бы очень хотелось кое о чем поговорить с вами, мсье...

– Боннар. Ален Боннар.

Он протянул руку, я пожал ее, все еще слегка недоумевая:

– Мы не знакомы?

– Нет-нет. Думаю, нет. Anyway... nice to meet you, Monsieur Bonnard[3 - Не важно... Рад познакомиться, мсье Боннар (англ.)]. Мне...

– О! А вы не потомок знаменитого Боннара? Художника? – Блондинка выступила из тени, весело блеснули ее голубые глаза.

А вот ее лицо я, совершенно точно, видел не раз. Да, да, конечно видел...

Через секунду я все понял. И прежде чем американец в бежевом тренкоте договорил, я уже знал, кто это, кого я вижу перед собой.

Не было ничего удивительного в том, что я вытаращил глаза и, оторопев, выронил связку ключей. Такие вещи случаются в снах, но не в реальной жизни, как сказал в подобной ситуации тот не очень-то решительный парень, продавец из магазинчика путеводителей в фильме «Ноттинг-Хилл». Только громко звякнувшие о тротуар ключи, этот вполне реальный звук убедил меня в том, что все происходит в действительности. Какой бы фантастической ни казалась эта встреча.

Самые прекрасные послеполуденные часы моего детства – те, которые я проводил с дядей Бернаром. После уроков одноклассники договаривались встретиться на футбольной площадке, или шли куда-нибудь слушать музыку, или приставали к симпатичным девчонкам, дергали их за косички, и все такое, я же со всех ног мчался вниз по улице Бонапарта, бежал, пока впереди не показывалась Сена: тут я поворачивал за угол, потом еще раз поворачивал, а дальше летел по узенькой улочке, на которой стоял дворец моих грез – «Синема парадиз».

В семействе нашем, Боннаров, дядюшка Бернар был вроде паршивой овцы, все родственники получили образование и стали юристами либо чиновниками администрации, а он был владельцем «Синема д'арт», крохотной киношки, и ничем серьезным не занимался – смотрел и показывал фильмы, хотя кто же не знает, что кино только попусту морочит людям голову, о нет, это не респектабельная профессия! Родителей немного удивляла моя дружба со странноватым дядюшкой: старый холостяк, в шестьдесят восьмом, когда нагрнул «Парижский май», он вместе с бунтовавшими студентами и киношниками, во главе которых был знаменитый Франсуа Трюффо, ходил на демонстрации протеста, вызванные решением министерства культуры закрыть Французскую синематеку[4 - Французская синематека – крупнейший в мире архив фильмов и различных документов, связанных с кинематографом, основан в 1936 г., находится в Париже.], и в те дни часто даже ночевал на потертом красном диванчике в своем зрительном зале. Но учился я хорошо, да и вне стен школы никаких нареканий не вызывал, так что родители спокойно отпускали меня к дядюшке. Они, конечно, думали, что мое ненормальное увлечение кинематографом однажды само собой пройдет.

Я-то как раз так не думал. В кинотеатре над старомодной будкой кассира висел плакат – крупные фотоснимки, лица великих режиссеров и надпись: «Le r?ve est realite» – «Мечта – это реальность». Нравилось мне здесь необычайно. А то, что кино изобрел француз Луи Жан Люмьер, меня восхищало.

«Дядя Бернар! Вот это да! – вопил я в восторге, хлопая в ладоши. – Он же перенес свет на экран, а его и самого зовут „Свет“[5 - Lumi?re – свет (фр.)],

это же здорово!»

Дядя Бернар смеялся и бережно устанавливал в проектор одну из большущих бобин, какие в те времена еще не перевелись в кинотеатрах, тех бобин, что крутились в аппарате и тысячи отдельных мгновений сплавляли в единое целое, великое, волшебное целое. Мне это казалось тогда самой настоящей магией.

Я действительно ощущал глубочайшую благодарность мсье Люмьеру за его изобретение и, думаю, в моем классе только я один знал, что самый первый в мире кинофильм, снятый в 1895 году и продолжавшийся всего-то шестьдесят секунд, запечатлел прибытие поезда на вокзал в Ла-Сьота. Я знал и то, что французское кино глубоко импрессионистическое, такова его душа. Это снова и снова повторял дядя Бернар. Разумеется, я не имел понятия о том, что значит «импрессионистическое», но не сомневался – это что-то чудесное.

Шло время, и вот однажды мадам Балан, учительница истории искусства, повела наш класс в галерею Жё-де-Пом, где тогда еще висели полотна импрессионистов, которые потом перенесли на набережную Орсе, в здание бывшего вокзала. Среди напоенных светом и выписанных нежными крапинками пейзажей я вдруг увидел картину, на которой был изображен черный, изрыгающий клубы белого дыма паровоз, подъезжающий к крытому перрону перед вокзалом[6 - Очевидно, речь идет о картине Клода Моне «Вокзал Сен-Лазар» (1877).].

Я долго смотрел на эту картину, и, кажется, именно тогда я понял, почему говорят, что французское кино «импрессионистическое». Потому что оно, подумалось мне, как-то связано с прибывающими поездами.

Дядя Бернар развеселился и удивленно поднял брови, когда я изложил свою теорию, однако по доброте душевной не стал учить меня уму-разуму, дабы избавить от заблуждений.

Вместо этого он показал мне, как обращаться с кинопроектором, и объяснил, что надо жутко внимательно следить, чтобы целлулоидная лента не зависала над световым лучом.

Однажды мы вместе с ним смотрели фильм «Новый кинотеатр „Парадизо“», и вот тогда я сообразил наконец, что дядюшка, собственно, имел в виду. Шедевр итальянского кино был одним из любимых фильмов дядюшки, – вероятно, он и кинотеатр свой назвал в его честь, махнув рукой на то, что это не французский фильм с импрессионистской душой. «Для итальянского фильма, в общем-то, недурно, а? – проворчал он, не забыв о патриотизме, но и не в силах сдержать чувства. – Да, надо признать, эти итальянцы тоже кое-что умеют...»

Я только кивнул – я все еще глубоко переживал трагическую судьбу старого киномеханика, который ослеп во время пожара в кинотеатре. И конечно, я воображал себя малышом Тото, хотя мама никогда не била меня, если я тратил все свои карманные деньги на кино. Да я ничего и не тратил, ведь у дядюшки Бернара я мог бесплатно смотреть самые прекрасные фильмы, между прочим и те, смотреть которые одиннадцатилетнему мальцу определенно было рановато.

Дядя Бернар не признавал никаких возрастных ограничений, если фильм был «хороший». А хороший фильм – это значило фильм с идеей. Фильм, трогающий сердца, сочувствующий людям, простым смертным, занятым сложным экспериментом под названием жизнь. Фильм, дающий им в дорогу мечту, которая может стать для них поддержкой в жизни, далеко не всегда простой.

Кокто, Трюффо, Годар, Соте, Шаброль, Луи Маль – они были для меня вроде хороших знакомых.

Я держал кулак, переживая за маленького мошенника в картине «Вне дыхания», я вместе с Жаном Маре в «Орфее» натягивал на руки тонкие перчатки и проходил сквозь зеркало, чтобы вывести Эвридику из царства теней. Я восхищался неземной красотой белокурой героини фильма «Красавица и чудовище», затаив дыхание, смотрел, как она, держа в руке канделябр с пятью мерцающими свечами, шла вверх по лестнице, а за ней поднималось печальное чудовище. Я в «Последнем метро» вместе с евреем Люка Штайнером, директором театра, скрывался от нацистов в подвале, и, сидя там, слышал, как на сцене репетировали, и понимал, что жена влюбилась в одного из актеров. Я дрался и вопил вместе с мальчишками из «Войны пуговиц». Я сходил с ума от горя вместе с несчастным Батистом в «Детях райка», когда тот навсегда терял в толпе свою любовь Гаранс. Меня повергало в ужас то, как Фанни Ардан в «Соседке», застрелив своего любовника, потом нажимала на курок, приставив пистолет к своему виску. Мне казалась забавной и милой Зази из «Зази

в метро» – глазастая девочка с широкой щелью между передними зубами; я хохотал над выходками братьев Маркс в Нью-Йоркской опере и потешался над словесными перепалками вздорных и изобретательных влюбленных парочек в комедиях Билли Уайлдера, Эрнста Любича и Престона Стёрджеса, режиссеров, которых дядя Бернар неизменно именовал «эти американцы».

Престон Стёрджес, объяснил мне дядя, однажды сформулировал золотые правила кинокомедии: погоня – лучше, чем диалог; спальня – лучше, чем гостиная; проезд – лучше, чем отъезд. Эти каноны комического жанра я не забыл и поныне.

У «американцев», разумеется, не было импрессионизма, как у «нас, французов», а все-таки их фильмы были ужасно смешные, и диалоги в них отличались отточенностью и остротой, причем остротой совсем иного рода, чем во французских картинах, где часто возникает ощущение, как будто ты тайком подсматриваешь за героями, когда они без конца разговаривают и спорят то на улице, то в кафе, то на морском берегу или в постели.

В общем, можно сказать, что к тринадцати годам я знал о жизни очень и очень много, даже если своего опыта почти не имел.

Все мои приятели уже целовались с девочками, а я мечтал о красавице Эве Мари Сейнт, которую увидел в триллере Хичкока. Или грезил о словно сотканной из света девочке Полетт из «Запрещенных игр», которая – в самый разгар Второй мировой войны – вместе с другом, пареньком по имени Мишель, выдумывает свой особый мир и на своем секретном кладбище ставит кресты на могилах мертвых зверей и птиц.

Мари-Клер, девочка из нашей школы, напоминала мне маленькую героиню «Запрещенных игр», поэтому я однажды пригласил ее на дневной сеанс в кинотеатр моего дяди. Из памяти начисто улетучилось, какой фильм шел в тот день, зато очень хорошо помню, что все полтора часа мы просидели, держась за руки, и я не выпустил руку Мари-Клер, даже когда у меня жутко зачесался кончик носа.

Фильм кончился, по экрану поползли титры, и тут она крепко прижалась вишневыми губками к моим губам. С тех пор мы, пребывая в полнейшей детской невинности, стали «парой», а потом, когда закончился учебный год, Мари-Клер

переехала со своими родителями в другой город, который, по мнению взрослых, находился недалеко от Парижа, но для мальчонки моих лет то был город на краю света и, стало быть, в недостижимой дали. Я протомился несколько недель в глубокой печали и принял решение когда-нибудь снять фильм, посвященный этой грустной истории.

Разумеется, я собирался стать знаменитым кинорежиссером! И разумеется, не стал. Уступив настояниям отца, я окончил университет по специальности «экономика предприятий», так было решено на семейном совете, ведь надо было, чтобы из меня «что-нибудь получилось». Несколько лет затем я проработал в Лионе, в крупной компании, которая занималась экспортом роскошных ванн и шикарных бассейнов премиум-класса. Я получал большие деньги, хотя только начал работать. Родители гордились мной – из их мальчика, вечно витавшего в облаках, все-таки «что-то получилось». Я купил подержанный «ситроен» с откидным верхом, у меня были девушки. Правда, через некоторое время все они бросали меня, с разочарованием убедившись, что я совсем не крутой оборотистый делец, за кого они поначалу, наверное, меня принимали.

Я не чувствовал себя несчастливым, однако и счастлив не был... Но однажды, в жаркий, душный летний день, пришло письмо от дяди Бернара, и тут я сразу понял, что теперь жизнь моя пойдет по-другому, понял и то, что в глубине души я остался тем мечтателем, который с сильно бьющимся сердцем сидел в темноте маленького зрительного зала и в то же время странствовал в далеких краях и мирах.

Случилось то, чего никто не ожидал, да и вообще не считал возможным. Дядя Бернар, которому стукнуло семьдесят три года, встретил женщину своей жизни и решил вместе с ней перебраться на Лазурный Берег, туда, где теплынь и солнце круглый год и все окрестности и красоты озарены совершенно особенным светом.

У меня екнуло сердце, когда я прочитал несколько строчек, написанных кривоватым дядюшкиным почерком, из которых понял, что дядюшка продает «Синема парадиз».

«С той минуты, как я узнал Клодин, – писал он, – мне кажется, что все прежние годы между мной и реальной жизнью стоял кинопроектор.

Кто знает, сколько мне осталось... Словом, хочу напоследок сам выступить в главной роли. Но мне все-таки грустно, ведь в кинотеатре, где мы с тобой провели столько чудесных вечеров, устроят, чего доброго, ресторан или один из этих новомодных клубов».

Когда я представил себе, что старый кинотеатрик запросто могут превратить невесть во что, мне сделалось тошно, как будто я съел какую-то дрянь. Но в самом конце письма дядюшка Бернар спрашивал, не хотел бы я вернуться в Париж и стать собственником «Синема парадиз». И я облегченно вздохнул.

«Даже если ты, мой мальчик, живешь теперь совсем другой жизнью, ты по-прежнему остаешься единственным человеком, в ком я вижу своего преемника. У тебя ведь еще в детстве была настоящая одержимость кино, было и отличное, неизменно верное чутье на хорошие фильмы».

Тут я не мог не улыбнуться, вспомнив вдохновенные лекции дяди Бернара. Затем я опять перечитал последние строчки его письма, и задумался, и долго-долго сидел, уставившись на сложенный листок, который вдруг начал дрожать в моей руке, и в следующее мгновение листок раскрылся, две странички словно разомкнулись, как зеркало в «Орфее».

«А помнишь, Ален, как ты спрашивал, почему это некоторые фильмы ты любишь больше всех остальных? Сегодня я тебе отвечу. Самый короткий путь к сердцу – это путь через глаза. Никогда не забывай об этом, мой мальчик!»

Прошло полгода. И вот я снова в Париже, стою на перроне Лионского вокзала, откуда отходят все поезда южного направления, и машу рукой дяде Бернару, он уезжает со своей возлюбленной, Клодин, очаровательной миниатюрной дамой, чье славное личико все в бесчисленных мелких морщинках от смеха.

Я махал, пока дядин платок, который отважно и весело развевался на ветру, не превратился в маленькое белое пятнышко. Потом я взял такси и скоро вернулся в самое важное место моего детства. В «Синема парадиз», который теперь принадлежал мне.

Времена нынче такие, что далеко не просто руководить кинотеатром со своей программой, то есть таким, в котором делается ставка на фильмы высокого художественного уровня, а не на доходы от рекламы, кока-колы и громадных ведер с попкорном.

Люди сегодня, почти все, разучились по-настоящему смотреть кино, в течение двух часов жить только фильмом, если в нем идет рассказ о каких-то действительно важных вещах, серьезных или веселых. Они уже не способны увлечься и не думать о еде и питье, ничего не жевать, не тянуть через соломинку колу, хлюпая и причмокивая.

Вернувшись в Париж, я вскоре наведалься в один из громадных мультиплекс-киноцентров на Елисейских Полях и понял, что мои представления о кинотеатре, который требует от зрителей известного почтения, очевидно, сильно отстали от жизни. Помню, в тот момент я вдруг почувствовал себя стариком, хотя было мне только двадцать девять лет, довольно-таки старомодным и совершенно чужим среди всей этой публики, шуршавшей пакетами и громко болтавшей.

Стоит ли удивляться, если в кинофильмах сегодня все больше шума и действие развивается как можно быстрее, – ведь в голливудских блокбастерах, экшенах, боевиках, которые и в Европе должны находить миллионы зрителей, все рассчитано на то, чтобы перекрыть шум и гам, который стоит в кинозалах, и создатели этой продукции, делая поправку на все меньшую восприимчивость публики, пускают в ход все новые и новые эффектные трюки и фокусы.

«А где же попкорн?» – снова и снова спрашивают зрители, приходя в мое кино. Вот только на прошлой неделе, помню, толстый мальчуган все дергал за руку мамашу и ныл; он и представить себе не мог, что два часа надо просидеть в кино – а ведь шел «Маленький Николя»! – и при этом не жевать; мальчишка был прямо-таки вне себя от возмущения.

«Нет попкорна?» – Он злился и крутил головой, оглядываясь в фойе, надеясь все-таки обнаружить где-нибудь в углу вожделенный стеклянный куб с попкорном.

«Нет. – Я развел руками. – У нас тут только кинофильмы».

Каждый раз, отвечая так, я переживаю маленький триумф. И все-таки порой меня охватывает тревожное чувство неуверенности в завтрашнем дне моего кинотеатра.

Итак, вернувшись из Лиона в Париж, я все свои деньги вложил в ремонт и переоборудование «Синема парадиз». Облезлый фасад заново оштукатурили и покрасили, вытертый ковер сменили, мягкие темно-вишневые кресла прошли чистку, и была обновлена вся техника: теперь я мог показывать и старые ленты, и новую цифровую кинопродукцию. Что же касается репертуара – тут у меня были свои амбиции, и они не всегда совпадали со вкусами широкой публики.

Франсуа, студент Института кинематографии, помогал мне в аппаратной, мадам Клеман, пожилая дама, прежде работавшая в универмаге «Прентам», вечером сидела за кассой, если я сам не продавал билеты.

В день открытия «Синема парадиз» пришли многие зрители, которые ходили сюда в прежние времена. Пришло и много новых, из любопытства, потому что несколько газет почтили это событие маленькими заметочками. В первые месяцы на недостаток публики жаловаться не приходилось, но затем настали времена, когда зал заполнялся разве что наполовину или зрителей не было вовсе. Мадам Клеман, сидя за кассой, показывала мне на пальцах, сколько билетов продано, – увы, нередко пальцев двух рук вполне хватало.

Начиная дело, я, конечно, не воображал, будто маленький кинотеатрик – это золотая жила, однако сбережения мои день ото дня таяли и надо было срочно что-то придумать. И я придумал: по средам, после окончания последнего вечернего сеанса, давать еще один сеанс, можно сказать ночной, и крутить те старые фильмы, которые когда-то вызывали у меня самое настоящее восхищение.

Задумка состояла в том, что в этой программе репертуар менялся каждую среду и все фильмы были о любви. Эту программу я назвал «Les Amours au Paradis»[7 - «Любовь в раю» (фр.).] и очень радовался, когда зрители валом повалили на наши ночные сеансы. После показа я открывал двери зрительного зала, и мимо меня проходили влюбленные, в обнимку, крепко прижавшись друг к другу, с блестящими глазами, или шел важный предприниматель, от избытка чувств позабывший на кресле в зале свой портфель, или подходила ко мне почтенная дама, которой хотелось пожать мне руку и поблагодарить, и в глазах у нее была печаль, когда она говорила, что фильм напомнил ей времена ее

молодости, – в такие минуты я с гордостью сознавал, что нет на свете работы лучше моей.

В эти поздние вечерние часы «Синема парадиз» преображало некое волшебство. «Мой кинотеатр дарит людям мечты», – думал я, повторяя любимое присловье дядюшки Бернара.

Но с тех пор как на еженедельные ночные сеансы стала ходить молодая женщина в красном плаще, женщина, которая несмело поднимала на меня взгляд и робко улыбалась, когда брала билет, с тех пор и сам я начал предаваться мечтам.

4

Да как же ты еще ни разу ни о чем ее не спросил? И давно она ходит в твое кино?

Мой друг Робер нетерпеливо заерзал на стуле. Мы с ним сидели на террасе «Дела-Мер», маленького кафетерия, что слева от церкви Сен-Сюльпис, и, хотя на дворе был март и все последние недели погода стояла дождливая, в тот день солнце, светившее нам в лица, заметно пригревало.

Когда мы вместе обедаем, Робер всегда предлагает пойти в это кафе, потому что здесь якобы самый вкусный горчичный соус-винегрет, который полагается к его любимому салату «пейзан», и подают его отдельно, в бутылочке.

– Да, вот... – Я смотрел, как он ловко вылил все, что было в бутылочке, на свой салат. – По-моему, все началось в декабре.

Друг вытаращил глаза:

– Все? А что ты, собственно, имеешь в виду? Так есть между вами что-то или нет?

Я покачал головой, вздохнул. Первый и главный вопрос у Робера всегда – есть что-то между мужчиной и женщиной или нет. Все прочее его не интересует. Он же естественник, физик, и романтизма начисто лишен. Он не признает никаких полутонов, ему незнакома радость от брошенного украдкой взгляда. Если он говорит, какая-то женщина сногшибательно хороша, значит между ним и ею уже «что-то есть», и чаще всего роман начинается в первый же вечер после знакомства. Понятия не имею, как ему это удается. Конечно, он умеет и очаровать, и рассмешить. И всегда открывает карты сразу, с обезоруживающей искренностью и прямоотой, перед которыми большинство женщин просто не могут устоять.

Я немного отодвинулся от столика, отпил вина, прищурился на солнце – не сообразил, что сегоднягодились бы темные очки.

– Нет, между нами ничего нет, в том смысле, как ты это понимаешь, – ответил я честно. – Но с декабря она приходит каждую среду на последний сеанс, и мне кажется, что... ах, да ничего я не знаю.

Робер подцепил вилкой увесистый кубик сыра, с которого стекали золотистые капли соуса, а свободной рукой принялся на пальцах подсчитывать:

– Декабрь, январь, февраль, март! – Он бросил на меня негодующий взгляд. – Уж не хочешь ли ты наплести мне тут с три короба, будто бы эта девушка, которую ты находишь сногшибательной, уже четыре месяца ходит в твою киношку, а ты даже не попытался с ней заговорить!

– Но она же приходит только раз в неделю, только по средам, когда у нас идут те старые картины... ну, ты знаешь, о чем я... «Les Amours au Paradis». И я, конечно, говорил с ней. О чем обычно говоришь... Понравился ли вам фильм? Какая ужасная сегодня погода, давайте поставим ваш зонтик вот сюда... ну и прочее в том же духе.

– А-а, так с ней ходит какой-нибудь тип?

– Нет-нет! – Я затряс головой. – Она всегда приходит одна. Но это же ничего не значит. – Я повертел на столе свой стакан. – Вначале я думал, она замужем, потому что у нее на руке золотое кольцо. Потом присмотрелся и увидел: нет, кольцо не обручальное, во всяком случае не обычное обручальное кольцо.

На нем такие маленькие розочки, чеканка, что ли, а может, литые, червонное золото...

– Так ты говоришь, она хорошенькая? – перебил Робер. – Красивые зубы, стройная фигурка?

Я кивнул и вспомнил, как впервые увидел девушку в красном плаще – вечером возле кассы. Мысленно я всегда называю ее девушкой в красном плаще, но на самом деле это молодая женщина, лет двадцати пяти, а может быть, и двадцати восьми, у нее волосы до плеч, светло-русые, цвета карамели, с косым пробором, и нежное личико в форме сердечка, я разглядел даже несколько крохотных веснушек. У нее темные блестящие глаза.

Каждый раз она казалась мне как будто немного растерянной – то ли погруженной в свои мысли, то ли неуютно чувствующей себя в этом мире. И еще у нее была привычка: дожидаясь, пока я выдам билет, она смущенно отводила за ухо прядь волос. Но стоило ей улыбнуться, все вокруг словно озарялось светом, а ее лицо делалось точно у мальчишки-сорванца. И да, у нее красивый рот и великолепные зубы.

– Она того же типа, что Мелани Лоран, знаешь ее?

– Мелани Лоран? Впервые слышу. Кто такая?

– Ну, она играет в «Начинающих». Актриса.

Мой друг с задумчивым видом принялся жевать сырный кубик.

– Ни малейшего представления. Я знаю только Анджелину Джоли. Вот женщина супер. Фигура, о, сногшибательная!

– Да-да, конечно. Почему бы тебе не приходить почаще к нам в кино? Тогда бы ты имел представление, о ком я говорю. И смотрел бы фильмы бесплатно.

– Да упаси господи. Я сразу засну.

Мой друг любит боевики и фильмы про мафию, поэтому – рассуждая чисто теоретически – мы с ним никогда не повздорили бы из-за возможности купить последний билет.

– Она как девушка в картине «Бесславные ублюдки». – Я решил подчеркнуть разницу между Робером и собой. – Та, которая в конце поджигает кинотеатр, чтобы там сгорели нацисты.

Робер на секунду перестал жевать, потом с радостно-благодарной ухмылкой поднял брови и помахал пальцем перед моим носом:

– А-а, хорошенькая малышка, которая бежит от гитлеровцев? Это и есть Мелани Лоран? Так, говоришь, девушка, которая ходит в твою киношку, похожа на Мелани Лоран?

– Не похожа, а того же типа, – уточнил я.

Робер грузно отодвинулся от стола вместе с субтильным стульчиком, явно не рассчитанным на таких гигантов, как мой друг, и долго качал головой.

– Ох, парень! Нет, ну просто не укладывается в голове, каким же ты иногда бываешь олухом, – заявил он наконец со свойственной ему прямоотой, которая разом отрезвляет и, по моему мнению, является бесценным качеством Робера.

Я не возражал и приготовился смиренно выслушать его наставления, – в конце концов, я же сам захотел получить совет. Но когда мой друг, как у него водится, приступил: «Это же в точности как...» – и принялся забавляться какими-то аксиомами из области астрофизики, а затем вдруг самым удивительным образом перескочил на константу Хаббла, шут ее знает, что это такое, я перестал что-либо понимать, и мои мысли унеслись далеко.

Упоминал ли я уже, что сам отношусь к типу людей замкнутых? Сразу же уточним: замкнутых, но не скучных. Как раз наоборот – у меня очень богатая внутренняя жизнь и не менее богатая фантазия. В конце концов, если мужчина сразу же не тащит в постель женщину, которая ему понравилась, это еще не повод считать его шляпой.

В отличие от многих и многих удалцов, идущих напролом, я кое-что вижу. Нет, конечно, не в том смысле, что я провидец. Может быть, я за свою жизнь просто чересчур насмотрелся фильмов, однако, став хозяином «Синема парадиз», я вскоре заметил, что мне доставляет большое удовольствие наблюдать за людьми и разгадывать их тайны. И бывает даже, я ни о чем таком не думаю, а истории появляются откуда-то сами собой, вроде как к иным людям привязываются собаки.

Некоторые зрители однажды мелькнут и больше не показываются, другие, постоянные посетители «Синема парадиз», – этих я, кажется, уже знаю. Я не очень-то разговорчив, это верно, но зато много чего вижу. Я продаю билеты, и передо мной проходят лица. Открываются истории. Тайны.

Вот высокий старик, он ходит обычно в светло-коричневом пиджаке, сильно поредевшие волосы небрежно зачесаны со лба. Он не пропустил еще ни одного фильма Бунюэля, Карлоса Саура или Клода Соте. Мне кажется, в юности этот человек увлекался коммунистическими идеями, потом занимался наукой, стал профессором. В его светлых глазах, поблескивающих из-под кустистых серебряных бровей, светится незаурядный ум. Он всегда носит ослепительно-синие рубашки, а старый вельветовый пиджак уже изрядно пообтерся на обшлагах. Я уверен, что «профессор» – вдовец, один из немногих в своем поколении мужчин, переживших жен. Наверняка старик очень любил свою спутницу жизни. У него открытое, приветливое лицо. Выйдя из зала после окончания сеанса, он всегда останавливается в фойе, ненадолго, буквально на миг, – как будто надеется кого-то увидеть, потом, пожав плечами, уходит.

Или вот женщина с пышными черными кудрями. Она приходит со своей маленькой дочкой. Женщине уже под сорок, они с дочкой всегда бывают на детских сеансах, которые у нас по выходным. «Сегодня папа придет домой поздно», – услышал я как-то раз ее слова, когда они с дочкой проходили в зал; девочка бойко подпрыгивала, не отпуская мамину руку, а у мамы лицо было грустное, усталое и бледное, хотя на шею она повязала яркий шарфик. Я вдруг заметил, что возле губ у нее глубокие скорбные складки. Она никогда не опаздывает к началу фильма, приходит даже слишком заблаговременно. У нее много времени... Иногда, стоя с девочкой в фойе и дожидаясь, когда откроются двери, она крутит обручальное кольцо на руке. Подозреваю, что муж изменяет этой женщине и она это знает. Но не решила, стоит ли ей бросить мужа.

Круглый толстячок в очках с металлической оправой, который смотрит все больше комедии и при этом хохочет от всей души, – вот кого уж точно бросила подруга. С тех пор его брюшко еще округлилось, а вид стал обескураженный. Он теперь очень много работает, даже тени залегли под глазами. Всегда прибегает в последнюю минуту, почти опаздывая, и часто приходит с портфелем. И все-таки я думаю, так оно лучше для него. Подруга была сварливая, тощая рыжеволосая фурия, она вечно пилила беднягу, а за что – толком и сама не знала. Ведь этот толстячок и мухи не обидит.

Вот так каждый вечер сижу я в своем кинотеатре и разгадываю загадки. Но зрительница, которая стала для меня самой трудной загадкой, та, чья история занимает меня больше всего, зрительница, которая всегда приходит одна и которую каждую среду я жду с волнением, с бьющимся сердцем, – она совсем другая.

Девушка в красном плаще всегда берет билет в семнадцатый ряд, и я ломаю себе голову, гадая, какая же у нее тайна?

Мне непременно нужно разгадать ее историю, и в то же время я боюсь, что история найдется, а потом окажется, что с этой историей у незнакомки в красном плаще нет ничего общего. Я чувствую себя как Парцифаль, который считает неучтивым задавать вопросы[8 - Аллюзия на эпизод из средневекового романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Во время встречи с королевой Кондвирамур Парцифаль не решается задавать вопросы. «Молчит наш рыцарь перед ней. / (Нам с вами, стало быть, известно: / Герой решил не забывать / Совет, что рыцарю невместно / Вопросы первым задавать...» (перевод Л. Гинзбурга).], и уже догадываюсь, что история этой женщины не похожа ни на одну другую. Она непостижимо очаровательна, и сегодня я все-таки наконец заговорю с ней и спрошу, не согласится ли она пойти со мной поужинать.

Сильная рука схватила меня за плечо и встряхнула – я в тот же миг снова очутился на площади Сен-Сюльпис, на солнечной террасе маленького кафе, за столиком, а напротив меня – мой друг Робер.

– Эй, Ален! Ты слушаешь или нет? – Его голос звучал укоризненно. Светлоголубые глаза пристально смотрели на меня. За светловолосой макушкой Робера

поднималась светлая громада церкви с такими необычными башнями, почему-то она показалась мне похожей на только что приземлившуюся космическую ракету. Мой друг, очевидно, закончил свой подробный доклад про этого – как его? – Хаббла с его константой. – Говорю тебе: вечером, сегодня, ты должен наконец заговорить с ней. Спросить, не согласится ли она пойти куда-нибудь поужинать. Иначе вы будете удаляться друг от друга все больше и больше. Как две планеты, каждая по своей орбите.

Я закурил губу, сдерживая смех:

– Да. Я тоже только что подумал как раз об этом.

5

В ту среду я пришел в свой кинотеатр немыслимо рано. Отобедав с Робером, я сразу простился, как будто бы у меня назначена какая-то встреча. Хотя никакой встречи не было. Но, как мы знаем, самые счастливые моменты – всегда те, которые ждешь.

Залитый ярким послеполуденным светом бульвар Сен-Жермен я в самом задорном настроении перешел не по зебре, а ловко проскочив между автомобилями, дожидавшимися зеленого сигнала светофора. Закурил сигарету – и через несколько минут уже шагал по тенистой улице Мазарини.

Когда я отпер входную дверь «Синема парадиз», в лицо повеяло знакомым запахом – старого дерева и мягкого плюша, это меня немного успокоило, и я принялся переделывать наши витрины.

В программе «Les Amours au Paradis» в этот день значился фильм Эрика Ромера «Зеленый луч». Я разложил новые проспекты. Проверил, хватит ли в кассе мелочи на размен. Заглянул в будку механика, положил возле проектора коробки с пленкой. Потом я пошел в зрительный зал и попробовал посидеть на разных местах в семнадцатом ряду – хотелось понять, что за странная история с этим семнадцатым рядом. Ничего особенного я не обнаружил. В моем кино это ведь и не последний ряд, который так популярен у влюбленных

парочек, потому что там никто не мешает им целоваться под прикрытием темноты.

Я убивал время, занимаясь ненужными или не очень срочными делами, и чуть не каждую минуту поглядывал на часы, висевшие на стене фойе.

Пришел Франсуа и скрылся в будке киномеханика. Пришла мадам Клеман и принесла своими руками испеченные круассаны с малиновым желе. Когда зрители разобрали билеты на сеанс, начинающийся в шесть, и уселись по местам в ожидании картины «А давайте жить все вместе?» – о предприимчивых старичках, организующих жилую коммуну, – я заглянул в будку и сказал Франсуа, что пойду выпить кофе.

Тот сидел, уткнувшись в книги и тетради. Пока шли фильмы, он читал, готовясь к экзаменам.

– Я мигом, – обещал я. Франсуа кивнул. – А... скажи, Франсуа, ты не мог бы сегодня вечером запереть тут все вместо меня? После вечернего сеанса у меня кое-что намечено.

И только в бистро по соседству, когда я уже пил кофе со сливками, мне вдруг пришло в голову, что план мой далеко не блестящий. Последний сеанс закончится в двадцать три пятнадцать. Кто же в такой поздний час захочет идти куда-то ужинать? Не будет ли благоразумнее пригласить девушку в красном плаще поужинать в ближайший выходной? Если она вообще захочет пойти куда-то со мной. И если вообще придет сегодня в кино...

Я вдруг буквально похолодел от ужаса. Что, если она сегодня не придет? Или вообще никогда больше не придет? Я нервно помешивал и помешивал кофе, хотя сахар давно растворился.

«Но ведь до сих пор она всегда приходила, – напомнил я себе, чтобы успокоиться. – Не сходи с ума, Ален. Она придет. И ведь ты, кажется, ей нравишься. Она всякий раз улыбается, когда видит тебя».

А может быть, это самая обыкновенная, нормальная приветливость!

Нет-нет, тут что-то большее. Готов держать пари, она ждет, что ты наконец заговоришь с ней. Трус, давно надо было заговорить! Давным-давно.

Где-то рядом раздался легкий шорох. Профессор в вельветовом пиджаке – он сидел за соседним столиком и разворачивал газету. Встретив мой взгляд, он кивнул. В его глазах мелькали веселые искорки.

Святой боже, уж не бормотал ли я вслух? Может, я уже превратился в одного из тех бедняг, которые не способны контролировать свои речевые импульсы? А вдруг этот профессор умеет читать мысли?

Смущенно кивнув в ответ, я единым духом допил кофе.

– Я видел, у вас сегодня идет «Зеленый луч», – сказал профессор. – Хороший фильм. Я решил не упустить возможности. Посмотрю. – В уголках его губ играла тонкая усмешка. – Знаете что? Не мучьте себя напрасными сомнениями – юная дама придет непременно.

Меня бросило в жар, я вскочил и потянулся за курткой:

– Да-да, э-э... Значит, до вечера.

– До вечера, – ответил профессор.

И с этой минуты меня не покидала надежда, что он окажется прав относительно юной дамы.

Она стояла последней в очереди, выстроившейся перед кассой. Когда она положила передо мной деньги на билет, я решился – как говорится, схватил судьбу за волосы.

– Мадемуазель, вы часто ходите на наши еженедельные ночные сеансы! Вам нравится моя маленькая кинопрограмма? – Я задал вопрос со всей возможной настырностью, когда пододвигал к ней билет и сдачу.

Она убрала за ухо прядь волос и робко улыбнулась:

– Да. И даже очень.

– А мне очень нравится, что вы часто к нам приходите, – быстро сказал я и, точно замороженный, уставился на ее маленькое изящное ушко, которое вдруг порозовело.

Она все улыбалась и молчала, убирая деньги в кошелек. Ну а что можно сказать в ответ на такое глупое замечание?

«Попусту не болтай, живо иди к цели, малыш. Иди к цели!» – прозвучал в моих ушах голос Робера.

– Гм... Э-э... вообще-то, мне пора сделать вам скидку, ведь вы в числе наших постоянных зрителей. – Я постарался произнести эти слова шутливым тоном. – Знаете, как в больших универмагах, у них там начисляют накопительные баллы.

Взяв билет, она посмотрела мне прямо в глаза. И опять улыбнулась. И я в ответ улыбнулся, точно под гипнозом.

– Это излишне, мсье. Эти фильмы стоят своих денег, каждого цента.

Кто-то распахнул входную дверь, и в фойе влетел порыв ветра. Вошли юноша и девушка, студенты, со смехом направились к кассе. Времени у меня было в обрез.

Женщина в красном плаще сделала шаг...

– Только один момент! – воскликнул я, и она обернулась. – Вы... вы что-то забыли...

Ее взгляд стал удивленным.

– То есть... Это я... я забыл, – лепетал я в отчаянной попытке не дать ей просто уйти.

– Да?

– Понимаете, я забыл спросить у вас одну вещь. – Я не отрываясь смотрел на нее. – Вы не хотели бы после картины пойти куда-нибудь поужинать... или, может быть, что-нибудь выпить. Мы могли бы... обсудить... поговорить... если вы не против. Я... Словом, мне очень хотелось бы пригласить вас, то есть я хочу сказать, если уж вам не нужны накопительные скидки и баллы... – Накопительные баллы... ох, какой несусветный вздор я нес... – Ох, какой несусветный вздор я несу! Извините, пожалуйста. – Я тряхнул головой. – Не думайте ни о каких баллах. Забудем эту чепуху. Можно мне пригласить вас в кафе? Прошу вас, соглашайтесь, скажите «да»!

Мое сердце колотилось в отрывистом ритме моей сбивчивой речи.

Женщина в красном плаще подняла брови, потом закусила губу, наклонила голову и широко улыбнулась. Щеки у нее сильно покраснелись, и наконец она что-то произнесла.

Она сказала «да».

6

Мы пришли, как будто это само собой разумелось, в бистро «Ла Палетт». Люди вокруг нас смеялись, шумели, ели-пили, но я ничего не замечал. Я видел только женщину за моим столиком, и, случись в тот момент землетрясение, я все равно остался бы во власти ее очарования.

Никогда еще я не мечтал так страстно, как в этот вечер, чтобы фильм поскорей закончился. Я снова и снова заглядывал через маленькое окошечко в кинозал, чтобы узнать, какая там идет сцена в картине, которую я смотрел уже много раз – столько раз, что мог бы проговаривать текст вместе с актерами. Но вот наконец мечтательница Дельфина увидела долгожданный зеленый луч – необычайный феномен, предвестник счастья, который редко удается увидеть, он появляется лишь на несколько мгновений на горизонте в момент, когда заходящее солнце опускается в море, – итак, Дельфина решила, почувствовала, что способна пойти на риск – полюбить. Тут я распахнул дверь зала, предоставляя зрителям возможность вернуться из мира грез в их

собственную жизнь.

Она вышла одной из первых и остановилась чуть в стороне, пропуская выходящих, а люди шли по фойе медленно, в мечтательной задумчивости, щурясь от яркого света, постепенно возвращаясь к реальности, затем, уже смеясь и болтая, спешили на улицу.

- Только один момент еще! Сейчас я приду, - сказал я. Она пошла вдоль стены фойе, рассматривая фотографии и афиши.

- А он правда есть, этот зеленый луч? - услышал я вопрос девушки-студентки.

Ее приятель пожал плечами:

- Не знаю. Ничего, мы это выясним! - Он ласково обнял за плечи свою подружку.

Увидел я и профессора: тот на миг остановился, опершись на трость, и из-под серебряных кустистых бровей вопросительно взглянул на меня. Я кивнул и незаметно бросил взгляд на женщину в красном плаще - она стояла, рассматривая плакаты.

Старик благожелательно и с неким уважительным одобрением - или я это вообразил? - посмотрел в ее сторону и, подмигнув мне, вышел на улицу.

А потом мы наконец остались вдвоем. Мадам Клеман шумно возилась со стульями в зале - каждый вечер она проверяла, не остались ли там забытые вещи.

- Счастливо! - крикнул я Франсуа, на секунду высунувшемуся из своей будки. Потом надел куртку, сказал: «Идем?» - и повел к выходу женщину в красном плаще.

Улыбнувшись друг другу, мы молча прошли несколько шагов по темной улице. То был миг редкостной близости - эта внезапная интимность, тишина, наши чуть слышные шаги по старой булыжной мостовой.

Я шел с ней рядом, молча – совсем не хотелось разрушать словами это мгновение, но надо было, конечно, о чем-то заговорить. Я подыскивал такую фразу, с которой было бы хорошо начать разговор, и тут она обернулась ко мне и привычно поправила волосы.

– У вас совершенно очаровательные ушки, – вдруг услышал я собственный голос и в тот же миг проклял себя. Нет, в самом деле, кто я такой? Фетишист, помешанный на ушах? – Я хочу сказать, – поспешно продолжал я, – у вас все очаровательно. Даже выразить не могу, как я рад, что вы приняли мое приглашение. Знаете, я ведь уже давно обратил на вас внимание.

Она улыбнулась и сказала:

– А я на вас. Кстати, меня зовут Мелани.

– Мелани. У вас красивое имя, – сказал я и подумал: это знак судьбы. Не далее как сегодня я говорил Роберу, что женщина в красном плаще напоминает мне киноактрису Мелани Лоран. – Вы немного похожи на Мелани Лоран.

– Вам так кажется?

Видимо, ей это понравилось.

– Да-да. Безусловно! – Скванность как рукой сняло, я почувствовал легкость и задор. – Но глаза у вас определенно в сто раз красивей. Вас, наверное, осыпают комплиментами.

Она засмеялась, польщенная. Затем спросила:

– Ну а вас?

Сказать по правде, я не очень-то задумывался насчет того, красивые ли у меня глаза. Карие и, как говорится, не хуже, чем у других, так я считал.

– За красоту глаз меня комплиментами не осыпали.

– Я хотела спросить, а вас как зовут?

– Ох. Ну конечно. Ален.

– Ален. Имя идет вам. – Она посмотрела на меня искоса, чуть наклонив голову. – И вы немного похожи на Алена Делона.

– Это самая приятная ложь, какую мне приходилось слышать, – сказал я, остановившись у входа в «Ла Палетт», уютное бистро, от которого совсем недалеко до моего дома. Я, собственно, не имел какого-то определенного плана, просто моя внутренняя навигационная система привела меня на улицу Сены, как бывало часто и в другие вечера, когда я приходил сюда поужинать. Я открыл дверь, и мы вошли.

7

Когда я ищу любовь, я всегда иду в «Синема парадиз».

Мелани отпила глоток, потом, поставив бокал с красным вином, обхватила его ладонями, ее взгляд потерялся в какой-то неведомой дали, где-то за большим окном «Ла Палетт», и мне туда не было доступа. Ее глаза блестели, на губах играла задумчивая улыбка.

Наверное, в это мгновение я и влюбился в нее.

А ее слова глубоко меня тронули, я ощутил явственно, как в сердце что-то качнулось. Эти слова и эта странная слабая улыбка, с которой она их произнесла.

Сегодня, когда я размышляю о том вечере, мне вспоминается, что уже тогда ведь я заметил что-то странное, что-то в ее словах мне показалось необычным, хотя я и не мог бы сказать, что именно.

Много недель спустя, когда я в отчаянии повсюду искал женщину в красном плаще, мне снова вспомнились эти странные слова. Они оказались ключом ко всему, но этого я, конечно, не знал в тот миг, когда вдруг, сам того не ожидая, прикрыл ладонями пальцы Мелани, сомкнутые вокруг бокала. Мы впервые касались друг друга – иначе и не могло быть.

– Мелани, как прекрасно вы сказали... Вы поэт.

Она взглянула на меня – и ее улыбка теперь снова принадлежала мне. Мои ладони скрыли под собой ее руки, сомкнутые вокруг бокала, – вот так мы и сидели, вместе держа бокал, словно это само счастье, которое нужно удерживать в ладонях, точно птицу, бережно и нежно, чтобы она не упорхнула.

– Нет-нет, ну какой же я поэт. Но я, наверное, немножко склонна к ностальгии.

Ностальгия. Как же давно я не слышал этого слова, оно меня растрогало.

– Да ведь это чудесно! – Я наклонился к Мелани, и красное вино в большом круглобоком бокале качнулось. – Что стало бы с нами в этом бездушном космосе, не будь на свете десятка человек, которые бережно хранят в своих сердцах воспоминания и тоску по былым чувствам...

Она засмеялась:

– Ну и кто же из нас поэт? – Она осторожно отодвинула бокал, и я с сожалением отпустил ее руки. – А с воспоминаниями так все странно... – Она вдруг запнулась и не сразу продолжила: – От них можно грустить, даже если это прекрасные воспоминания. Вспоминаешь о чем-нибудь хорошем, и это так приятно, ведь воспоминания – самое драгоценное сокровище, какое у нас есть, а все-таки от них тебе немного тоскливо, потому что понимаешь, было что-то и ушло и никогда не вернется.

Она подперла голову рукой и пальцем другой руки водила по столику, рисуя круги.

– *Tempi passati*[9 - Прошедшие времена, прошлое (ит.). А также название песни Анны Марли (Смирновой) (1917–2006), писательницы, поэта и композитора,

автора свыше 300 песен на пяти языках, среди их исполнителей Эдит Пиаф, Джоан Баэз, Ив Монтан.], – прямо-таки философски изрек я, в то же время соображая, можно ли опять взять ее за руку. – Потому я и люблю эти старые фильмы. В них все снова оживает, пускай всего лишь на два часа. И можно вернуться в потерянный рай. – Я взял ее за руку, она не отняла.

– Поэтому и ваш кинотеатр так называется – «Синема парадиз»?

– Нет... То есть да... Может быть.

Мы оба рассмеялись.

– Честно говоря, точно я не знаю. Надо было мне спросить дядюшку – раньше кинотеатр принадлежал ему. К несчастью, его уже нет в живых. – Я сокрушенно вздохнул. – Бедный дядя Бернар!

Его чудесная жизнь на юге поздней осенью прошлого года внезапно оборвалась, однако конец был мирный. «А винцо и впрямь недурное!» – сказал он Клодин, поднял бокал и посмотрел вино на свет; дело было вечером, он сидел на террасе в плетеном кресле. «Сердце мое, принеси-ка ты нам еще бутылочку!» Когда Клодин вернулась, дядя Бернар сидел, откинув голову на спинку кресла, полузакрыв глаза, и, казалось, смотрел на высокие старые пинии – он так любил запах нагретой солнцем хвои. Но он был мертв.

Похороны были скромные. Пришли, собственно, только Клодин, да супружеская пара из поселка, с которой они подружились, да Бруно, старый друг дядюшки, да я. Мои родители как раз в те дни уехали путешествовать и находились в Новой Зеландии, по их просьбе был заказан венок, Клодин они написали письмо с выражением соболезнования.

И все-таки это были прекрасные, достойные похороны. И полные глубокой скорби. Вместо цветка я бросил в могилу на гроб дяди Бернара кусок кинопленки, давнишней копии фильма «Новый кинотеатр „Парадизо“».

Вспомнив все это, я вздохнул и поднял взгляд. Большие карие глаза Мелани смотрели на меня с глубоким сочувствием.

– Во всяком случае, он умер счастливым человеком, – сказал я. – Я очень его любил, моего старого дядюшку Бернара. Раньше я думал, он назвал кинотеатр в память об этом итальянском фильме...

– «Новый кинотеатр „Парадизо“», – подхватила Мелани.

И я кивнул:

– Да, верно. «Новый кинотеатр „Парадизо“»... Это был один из его любимых фильмов. Но ведь дядюшкин кинотеатр появился задолго до того, как вышла эта картина.

– Должно быть, это прекрасно – быть хозяином такой вот маленькой «фабрики грез».

– Прекрасно и в то же время трудно, – сказал я. – О золотых горах мечтать не приходится. В нашей семье и вообще все пришли в ужас, когда я бросил свою хорошо оплачиваемую должность – я работал в крупной лионской компании, которая экспортирует арабам в Абу-Даби ванны и душевые кабины, – и взялся возродить к новой жизни старый кинотеатр.

«Малыш, малыш! Ну что ты мелешь, куда тебя понесло? Хочешь, чтобы она подумала, что ты недотепа, у которого ни гроша в кармане?» Голос Робера прозвучал в моих ушах так явственно, что я невольно оглянулся. И разумеется, не увидел никого, кроме официанта, который деловито трусил с подносом к соседнему столику.

– Ах ты боже мой! Ванны и душевые кабины! – воскликнула Мелани и тут же прижала ладонь ко рту. – Знаете, что бы там ни говорили ваши родные, а я вот думаю: хорошо, что вы этим больше не занимаетесь. Это же совершенно вам не подходит. А надо всегда оставаться верным себе. Или вам случалось пожалеть о вашем решении, Ален?

– Нет-нет, – поспешно ответил я, мысленно все еще прислушиваясь к ее словам, ведь она впервые назвала меня по имени. Я наклонился и мягко отвел прядь волос, упавшую ей на лоб. – Это было абсолютно правильное решение. – Тут сердце у меня бешено застучало, и я точно полетел головой вниз в глубину ее мерцающих глаз. – Прежде всего потому, что, если бы не это решение,

я никогда бы не познакомился с вами.

Мелани опустила глаза и, вдруг схватив мою руку, касавшуюся ее волос, на мгновение прижала ее к своей щеке.

Мне хотелось, чтобы эта игра – игра рук, сплетающихся пальцев, прижатых друг к другу ладоней – продолжалась вечно, чтобы вечностью стал этот момент, когда о времени забываешь, когда предчувствуешь счастье.

Разве не так начинаются все на свете истории любви?

– Я тоже очень рада, что существует «Синема парадиз», – тихо сказала Мелани.

Сжимая ее руку, я осторожно погладил кольцо, золотое с красноватым отливом, с рельефными розочками.

– Вначале я даже не осмеливался заговорить с вами... Я думал, вы замужем.

Она отрицательно покачала головой:

– Нет-нет, я не замужем. И никогда не была замужем. Это кольцо – память о моей маме. Ее кольцо. Кольцо ее помолвки. Никаких других украшений мама не носила. И когда она умерла, я взяла кольцо, чтобы со мной всегда было что-то мамино. Я его никогда не снимала, ни на день. – Она задумчиво повертела кольцо на пальце, потом снова подняла глаза. – Я живу совсем одна.

Меня тронуло то, каким серьезным тоном она все это сказала.

– Мне очень жаль... – Я вдруг начал заикаться. – То есть я хочу сказать... что ваша мама... – Я не о том сожалел, конечно, что Мелани живет одна, и даже совсем одна. О нет, это меня как раз очень обрадовало, несмотря на то что я заметил: слова «совсем одна» прозвучали очень-очень грустно. – И у вас никого нет здесь, в Париже?

Она покачала головой.

– Нет семьи? Брата? Сестры? Друга? Собаки? И даже канарейки нет?

Она все качала головой, а под конец рассмеялась:

– А вы ужасно любопытный, Ален. Вам это известно? Так вот, у меня нет даже канарейки, если уж вам так хочется знать. Из близких у меня осталась только тетя Люси, старшая сестра мамы, но она живет в Бретани. Иногда я езжу ее проведать. Кстати, в эти выходные опять поеду. Там, на море, такая красота. И вообще...

Она замолчала, поднесла бокал к губам и отпила глоток, а потом решительно отставила бокал. Очевидно, ей не хотелось об этом говорить, но было нетрудно догадаться, что она подумала в этот момент о каком-то мужчине.

– Ничего не поделаешь, – заговорила она снова. – Так сложилось. Но я не вижу тут ничего плохого. У меня есть друзья, у меня чудесный шеф, приветливые соседи, и жить здесь, в Париже, мне очень нравится.

– Не могу себе представить, чтобы у такой прелестной женщины, как вы, не было друга, – осторожно начал я. Что и говорить, оригинальностью эта фраза не отличалась, но мне же надо было выяснить то, что я хотел узнать. Может быть, этот «чудесный шеф» и есть ее друг? Может быть, она из тех женщин, которые всем рассказывают, что живут одни. А на самом деле годами встречаются с каким-нибудь женатым мужчиной, о чем никому нельзя проговориться.

Мелани улыбнулась:

– Однако так оно и есть. Мой последний друг целый год изменял мне с одной девушкой с моей работы. И однажды я нашла у него в постели сережку с зеленым нефритом. Мы расстались. – Она вздохнула с комическим отчаянием. – У меня талант влюбляться в неподходящих мужчин. У них потом всегда появляется другая.

– Этого не может быть, – сказал я. – Это значит, все они законченные идиоты.

Мы еще долго сидели в «Ла Палетт». Мы просидели бы там до утра, пили бы вино, держались за руки, шутили и смеялись, молчали и говорили, если бы не официанты, которые начали выказывать признаки некоторого беспокойства. Они придвигали стулья к столикам – посетители уже разошлись. Они гремели посудой. Слонялись возле стойки, зевали, поглядывали на нас и ждали.

Нет, на самом деле, они проявили большую деликатность по отношению к мужчине и женщине, которые готовы были позабыть, что на свете существует еще кто-то, кроме них двоих. Интересно, кто же это написал, что любовь – это эгоизм вдвоем?

В конце концов один из гарсонов подошел к нам и деликатно кашлянул:

– Пардон, мсье. Нам, видите ли, хотелось бы уже закрыться.

Мы удивленно оглянулись и только тут заметили, что в бистро не осталось ни одного посетителя, кроме нас.

– Боже мой, полвторого! – ахнула Мелани. Виновато улыбнувшись гарсону, она потянулась за своим красным плащом, который прежде аккуратно повесила на спинку стула.

Мне пришлось выпустить ее руку. Я встал и подал ей плащ, достал бумажник, расплатился.

– Большое спасибо вам за этот вечер. Было очень хорошо, – сказала Мелани, когда мы вышли и гарсон запер за нами дверь. Она стояла, глядя на меня, и медленно застегивала плащ. Только в эту минуту я обратил внимание на то, что сшит он очень старомодно и не просто к лицу, а вообще очень ей подходит.

– Да, это совершенно особенный, прекрасный вечер, – сказал я. – И слишком быстро он пролетел.

Была поздняя ночь, но я не чувствовал ни малейшей усталости, и меньше всего мне хотелось, чтобы этот вечер закончился. Я бы хотел, чтобы он длился и длился, как в фильме «Перед восходом солнца», про парня и девушку-студентку, которые, познакомившись в поезде, всю ночь бродят по Вене,

не в силах расстаться. Вот только я не мог попросить Мелани пойти сейчас погулять в парке Тюильри, где мы романтично сидели бы, обнявшись, до самого утра. Слишком холодно для этого.

Как мне не хватало в этот момент хоть капли той беспечности, которую буквально излучал Робер, той легкости, с какой он ставил вопрос: «К тебе или ко мне?» Но в то же время я был не уверен, что эта девушка в старомодном плаще из тех, кого можно завоевать подобным сокрушительным натиском. И потом, у нас начиналось что-то совсем особенное, а не простенькая интрижка! Это было совершенно ясно.

В ночной тишине каждое слово звучало гораздо значительней, чем в уютном бистро, где мы сидели за темным деревянным столиком, легко и просто разговаривали и наши руки то и дело встречались. А теперь мы стояли лицом к лицу на пустынной темной улице, и мне очень не хотелось прощаться, я вдруг оробел, словно школьник.

Я подумал, не пригласить ли Мелани завтра вечером в кино, – что и говорить, идея не слишком оригинальная для хозяина кинотеатра. В нерешительности я сунул руки в карманы, словно мог нащупать там нужную мне великолепную фразу.

Мелани зябко повела плечами:

– Ну ладно... Мне туда. – Она махнула рукой в сторону бульвара Сен-Жермен. – А вам?

Дом, где я жил, находился буквально в двух шагах от «Ла Палетт», на улице Юниверсите, то есть мне было в противоположную сторону, но разве это что-нибудь значило?

– Мне тоже туда, – соврал я и увидел, что Мелани обрадованно улыбнулась. – Гм... да, э-э... мне, гм, тоже в ту сторону. Значит, если вы не против, я немного провожу вас.

Она не была против. Она взяла меня под руку, и мы не спеша пошли по улице Сены к бульвару Сен-Жермен, на котором даже в этот поздний ночной час царило оживление; мы миновали киоск, что приютился возле маленького садика у старой церкви Сен-Жермен-де-Пре, – днем перед ним всегда толпится народ, привлеченный ароматом горячих крепов с каштановым кремом и вафель, облитых шоколадной глазурью.

Перед пивным баром «Липп», все еще ярко освещенным, дожидались поздних клиентов такси. Мы перешли на другую сторону и поднялись по бульвару Сен-Жермен, пересекли бульвар Распай и вскоре свернули на улицу Гренель, тихую и темную, застроенную старыми высокими домами.

«Вам все еще по дороге со мной?» – спрашивала Мелани всякий раз, когда мы оказывались на перекрестке, и всякий раз я кивал, и говорил «да», и просил продолжать. Мелани рассказывала о подруге, которая работала в баре какого-то гранд-отеля и по средам ей нельзя было отпроситься с работы, чтобы вечером попасть на последний сеанс в «Синема парадиз»; рассказывала о своем шефе, толстяке и курильщике сигар мсье Папене, который недавно угодил в больницу с воспалением легких, отчего Мелани еще с одной коллегой теперь вели все дела в антикварной лавке, где старинная мебель и лампы в стиле бель-эпок, и украшения в стиле модерн, и расписанные вручную фарфоровые статуэтки купальщиц.

– Вы работаете в антиквариате? Как это симпатично. По-моему, вам это вообще как-то подходит.

Я представил себе Мелани в зачарованном месте, среди драгоценных вычурных вещей и уже хотел спросить, как называется магазин, но тут она сказала:

– Моя подруга часто говорит, что она, мол, не понимает, как мне может нравиться всякий старый хлам. – Мелани засмеялась. – А я люблю старинные вещи. Они излучают покой и тепло. И у каждой вещи есть своя история...

Мелани было весело и хотелось поговорить. Я шел рядом, слушая ее негромкий певучий голос, глядя на ее бархатистые, как малина, губы, и думал, что вот так, должно быть, ощущаешь счастье.

Но вот мы остановились на улице Бургонь перед старинным многоэтажным домом, напротив него, на другой стороне, я заметил канцелярский магазинчик, в его витрине еще горел свет. Мелани посмотрела на меня вопросительно.

– Здесь, – сказала она, указав на высокие темно-зеленые ворота, слева от которых на стене поблескивали кнопки домофона. – Вы уверены, что нам все еще по дороге?

– Совершенно уверен, – сказал я.

Она подняла брови, глаза ее весело заблестели.

– Аллен, а в какую вам, вообще-то, сторону? Вы тоже где-то здесь живете? На улице Бургонь?

Я покачал головой, смущенно ухмыльнулся:

– Я живу на улице Юниверсите. Если честно, в двух шагах от «Ла Палетт». Но сегодняшний окольный путь был самым прекрасным в моей жизни.

– О! – Она покраснела. – Если честно, я на это надеялась. – Она улыбнулась и опять быстро убрала прядь волос за ухо. Уже тогда я почувствовал, что люблю этот милый привычный жест.

– А я надеялся, что вы на это надеетесь, – сказал я тихо, и сердце снова заколотилось как бешеное.

Мы стояли, укутанные ночью, и казалось, во всем Париже, кроме нас, не было ни души. В этот момент так оно и было. Светлое лицо Мелани белело в темноте. Я смотрел на ее малиновые губы, по-прежнему улыбавшиеся, и думал, вот сейчас, в этот момент я их поцелую.

Раздался какой-то звук – мы оба вздрогнули.

По противоположной стороне улицы, шаркая, плелся старик, на его ногах были домашние шлепанцы. Бросив взгляд на витрину канцелярского магазинчика, он сердито затряс головой и прошамкал:

– Они же все сумасшедшие, все сумасшедшие!

А потом повернулся в нашу сторону и вдруг, погрозив пальцем, хрипло выкрикнул:

– Па-роч-ка влюб-лен-ная!

Рассмеялся жутковатым блеющим смехом и, шаркая шлепанцами, потащился дальше.

Мы подождали, пока он не скрылся в темноте. Потом взглянули друг на друга и засмеялись. А потом мы просто стояли и смотрели друг на друга. Минуты прошли или часы – не знаю. Где-то ударил колокол. Воздух начал слегка вибрировать. Робер наверняка смог бы точно сказать, какие заряженные электричеством частицы промчались между нами, словно искрящийся поток.

– Не тот ли момент сейчас? – спросила Мелани. Ее голос слегка дрожал, совсем чуть-чуть, но я все-таки заметил эту дрожь.

– Какой... момент? – выдохнул я и прижал ее к себе, к своей груди. К своему сердцу, которое бешено колотилось в ритме, заданном потерявшим голову дирижером.

Мы наконец поцеловались, и это было именно то, что я себе представлял. Только намного, намного прекрасней.

9

Думаю, никогда еще по улице Бургонь не проходил такой счастливый человек, каким был я той ночью. Я шагал легко и быстро, сунув руки в карманы. Три часа утра, но усталость – да какая там усталость! На улице не было ни души, мое сердце переполняли радостные предчувствия всего, что ждало нас впереди. Жизнь была прекрасна, фортуна только что осыпала меня дарами, опрокинув надо мной рог изобилия.

Каждый, кто хоть раз был влюблен, знает, о чем я говорю. Еще чуть-чуть, и я принялся бы отбивать степ на тротуаре, как Джин Келли в «Споем под дождем». Увы, талантом танцовщика я обделен, так что я просто пропел несколько тактов мелодии из того фильма и поддал ногой подвернувшуюся банку из-под кока-колы.

С улицы Жакоб мне навстречу пошатывающейся походкой вышел пьянчужка, он вытянул вперед руку, вверх ладонью, потом удивленно посмотрел на меня. Дождя, конечно, не было, но даже под ледяным ливнем я ликовал бы как под потоками чистого золота. Мне было море по колено, я чувствовал себя способным одолеть любую стихию. Я был любимцем богов.

Разве это не фантастика – любовь? За многие и многие тысячелетия наша планета столько раз успела обернуться вокруг своей оси, а любовь по-прежнему остается величайшим чудом, какое только может случиться с двумя людьми. И именно она всякий раз заставляет нас начинать новую жизнь и ожидать от будущего чего-то необыкновенного.

Любовь – первая весенняя зелень, птаха, насвистывающая коротенькую песенку, плоский камешек, который мы пускаем резво прыгать по водной глади, и синее небо с белыми облаками, и извилистая дорожка, над которой смыкаются душистые заросли жасмина, и теплый ветер, летящий с холмов, и рука, сжимающая другую руку.

Любовь – обещание жизни. В начале всех начал стоят мужчина и женщина.

И в эту ночь их звали Ален и Мелани.

Не успел я открыть дверь своей квартиры, как послышалось взволнованное мяуканье. Я вошел и наклонился к Орфей, которая от радости каталась в прихожей по светлому берберскому ковру.

– Ну, как тут поживает моя маленькая тигровая принцесса? – сказал я, погладив полосатый серо-белый бочок.

По всей прихожей разнеслось довольное урчание.

Орфей я подобрал. Однажды утром она очутилась на лестнице перед моей дверью, сидела там, жалобно пища. Тогда она была еще совсем маленькая и очень тощая. Я обошел квартиры, расспрашивая жильцов, не у них ли убежал котенок, и таким вот образом наконец познакомился со всеми соседями. Но котенок тигровой масти оказался никому не нужен. Сначала я, абсолютный профан в зоологии, решил, что это кот, и дал ему кличку Орфей. А потом пришла Кларисса – она раз в неделю убирает квартиру – и, уперев руки в боки, решительно замотала головой:

– Да нет же, мсье Боннар! Ну что вы такое говорите! Это девочка, ведь сразу же видно.

Ну, если посмотреть, так и правда сразу видно. Тем не менее Орфей осталась при своем имени, и, по-моему, оно ей нравится, хотя еще ни разу она на него не отозвалась.

– Ты не поверишь, крошка, когда узнаешь, что со мной сегодня произошло. Ты очень удивишься. – Я потрепал ее по светлому брюшку, и Орфей блаженно растянулась на боку. Ей ничуть не интересно, что там такое со мной произошло, – пока чешешь ей животик, жизнь прекрасна.

Совершив этот нехитрый приветственный ритуал, я пошел на кухню налить себе воды. Вдруг страшно захотелось пить. Орфей прошествовала следом, грациозно вспрыгнула на мойку и пару раз настойчиво ткнулась крепким маленьким лбом в мою руку.

– Хорошо, хорошо... – Я вздохнул и пустил воду тонкой струйкой. – И что бы тебе не приучиться лакать воду из миски! Пить из-под крана, понимаешь ли, ненормально.

Орфей не слушала моей болтовни. Как у всякой кошки, у нее были свои понятия о том, что «нормально», а что нет. И очевидно, ей казалось гораздо более интересным пить воду из-под крана, а не из специально купленной кошачьей посуды.

Я стоял и смотрел, как она розовым язычком сосредоточенно ловит струю и жадно лакает.

«Вашу кошку зовут Орфей? – Мелани звонко рассмеялась, когда я сообщил, что в настоящее время единственная дама в моей жизни – это капризная кошечка, которая по ошибке носит мужское имя. – И она поет?»

«Ну да. Хотя и не по-настоящему. Зато она любит лакать воду из-под крана».

«Прелесть, – сказала Мелани. – А вот кошка моей подруги всегда лакает воду из вазы с цветами».

– Мелани говорит, ты прелесть, – сказал я.

– Мяу, – откликнулась Орфей, на секунду оторвавшись от воды. И опять стала лакать.

– Неужели тебе не интересно узнать, кто такая Мелани? – Я бросил куртку на стул, прошел в гостиную – половицы резко скрипнули, – зажег торшер и повалился на диван.

Спустя секунду послышался приглушенный стук – Орфей соскочила с мойки; теперь она тихонько подошла к дивану. Еще миг – и она, мурлыча, устроилась у меня на груди. Я лежал, поглаживая ее мягкую шерстку и рассеянно глядя на молочно-белый матерчатый абажур, от которого лился мягкий свет. Перед глазами у меня было лицо Мелани. Ее губы, казалось, вот-вот улыбнутся.

Я смотрел на свет своей лампы и вспоминал поцелуи перед темно-зелеными воротами на улице Бургонь – им не было конца, и все-таки конец настал, когда Мелани высвободилась из моих объятий.

«Мне пора», – сказала она тихо, и я заметил нерешительность в ее взгляде. На минуту у меня появилась надежда, что она спросит, не поднимусь ли я вместе с ней. Но она решила иначе.

«Доброй ночи, Ален». – И она нежно тронула пальцем мои губы, прежде чем набрать цифровой код на воротах.

Ворота с тихим жужжанием отворились, и за ними я увидел внутренний двор, в центре которого высился большой старый каштан.

«Ах, да я же совсем не хочу тебя отпускать, – сказал я, снова прижимая ее к себе. – Только один поцелуй еще».

Мелани улыбнулась и, когда наши губы опять встретились, закрыла глаза.

После этого был еще один, последний поцелуй, потом самый последний – очень бурный, самый последний поцелуй под старым каштаном.

«Когда мы увидимся? Завтра?» – спросил я.

Мелани задумалась.

«В следующую среду».

«Как? Только в среду?» – Неделя показалась мне невообразимо долгим сроком.

«Раньше никак не получится, – сказала она. – Завтра я на неделю уезжаю к тете. В Ле-Пульдю. Но мы не потеряем друг друга».

А потом мне все-таки пришлось отпустить Мелани с обещанием, что через неделю, в среду, мы ровно в восемь часов встретимся в «Синема парадиз».

Помахав мне на прощание, она скрылась в дверях дальнего, дворового флигеля дома. Я, замороженный, еще немного постоял во дворе, увидел, как в одном из окон верхнего этажа загорелся и вскоре опять погас свет.

Здесь живет женщина, которую я люблю, подумал я. А потом ушел.

10

Телефон зазвонил утром, когда я на кухне пил кофе.

Я чувствовал себя порядком разбитым после ночи на диване, где я, счастливый, задремал почти на рассвете. Кряхтя, выбрался я из-за стола и пошел искать

трубку, которая, как всегда, лежала неизвестно где, а не на своей базе. Наконец отыскал – под стопкой газет возле кровати.

Звонил Робер. Он уже совершил обычную ежедневную пробежку в Булонском лесу и теперь, должно быть, сидел, дожидаясь начала лекций, в своем кабинете в университете. Он без обиняков приступил к делу.

– Ну как ты там? Что слышно? Взорвалась сверхновая? – завопил он, похохатывая, пугающе бодрым тоном, я даже вздрогнул. Голос Робера гремел даже сильнее обычного.

– Господи, Робер, ну почему ты всегда так орешь в трубку? Я же не глухой. – Я вернулся в кухню и сел. – Я спал всего два часа сегодня, но... все было... – Тут я запнулся. На ум шли слова «магия», «волшебство», «романтика», и все это были слова, которые мой друг вообще не способен воспринимать. – Все было сногшибательно, – сказал я наконец. – Безумно. До сих пор в себя не могу прийти. Это женщина, встречи с которой я ждал всегда.

Робер обрадованно щелкнул языком:

– Вот и славно. Ты, значит, если уж поймал искру, то загораясь так, что тебя не удержишь? Надеюсь, я не помешал? Малышка еще у тебя?

– Нет. Разумеется, нет.

– То есть как это «разумеется, нет»? Хочешь сказать, что ты у нее ночевал? Недурно!

Я рассмеялся.

– Никто ни у кого не ночевал, – объяснил я, ошарашив друга. – Но это ровным счетом ничего не значит.

Мимолетно вспомнилось нерешительное выражение, промелькнувшее в глазах Мелани, когда мы стояли перед зелеными воротами. Я вздохнул:

– Ну, словом... Нет, я не отказался бы от приглашения, я, понимаешь ли, проводил ее до дому, слышишь? Но она не такая женщина, которая в первый же вечер готова лечь в кровать.

– Жаль. – Робер, кажется, был разочарован, но вскоре его прагматизм опять взял свое: – Ну, тогда не отступай! Слышишь меня? Не отступай!

– Робер, я же не идиот! – Я нервно отпилил кусок козьего сыра и пристроил его на куске багета.

– О'кей, о'кей, – поспешил успокоить меня Робер и немного помолчал, как будто что-то обдумывая. Потом он сказал: – Ладно, я все же надеюсь, что она не из этих, знаешь ли, с проблемами. Иметь дело с такими дамами, сам понимаешь, какое удовольствие.

– Не беспокойся, удовольствия я получил очень даже много, – отрезал я. – Вечер был прекрасный, а наша история только начинается и... – Я вдруг вспомнил старика в домашних шлепанцах, который прохрипел нам «Влюбленная парочка!», вспомнил и задорный смех Мелани, который у нее иногда вырывался так непосредственно. Он необычайно нравился мне, даже сам звук ее смеха мне нравился. – Мы много смеялись и говорили – не могли наговориться. Знаешь, все так здорово сходится. Она любит старинные вещи, и я люблю, она и работает в антикварном магазине, там у них старая мебель, и лампы, и фарфоровые фигурки, и еще она любит кошек, а ее любимое кино – «Сирано де Бержерак», подумай, ведь это и один из моих любимых фильмов. Это же просто здорово, а? Или скажешь – нет?

На Робера мои восторги не произвели впечатления.

– Ладно-ладно, – буркнул он и сразу словно отмел прочь все чудесные совпадения, которые я успел обнаружить у нас с Мелани. – Надеюсь, вы не только разговоры разговаривали?

– Нет, честное слово, нет. – Я улыбнулся, вспомнив поцелуи под старым каштаном. – Ах, Робер, ну что тебе сказать... Знаешь, я безумно счастлив. Я чувствую, что все именно так, как должно быть. И просто дожидаться не могу, когда снова ее увижу. Это самая волшебная девушка, какую я вообще встречал за всю свою жизнь. И у нее никого нет! Слава богу! Да, ты знаешь, она говорит,

Эйфелева башня ужасно забавная! И еще она любит мосты! – Я болтал без удержу, как все влюбленные, которых каждая черточка предмета их обожания приводит в эйфорию. – Особенно мост Александра Третьего, и конечно, потому, что на нем такие великолепные фонари бель-эпок...

«А вы знаете, – вспомнил я слова Мелани, – какая красота, когда ранним вечером идешь по мосту Александра и видишь, как начинают загораться фонари на набережных и огни отражаются в воде, а небо делается лиловато-серым, лавандовым? Я иногда останавливаюсь на мосту, стою под этими старинными фонарями и смотрю на Сену, на город и всякий раз думаю – какое же это чудо!»

– Мелани сказала, что она, проходя по этому мосту, каждый раз ненадолго останавливается. И еще сказала: Париж – это чудо. – Я вздохнул от счастья.

– Эк ты разливаешься! Ну и словеса. Можно подумать, ты превратился в одного из вездесущих парижских гидов. Ален, а ты уверен, что малышка и правда живет на той улице? Давненько я не слышал подобного открыточно-альбомного вздора. Сто раз проходил по мосту Александра, а вот стоять там столбом, дабы насладиться незабываемым чудом по имени Париж, – никогда не стоял. Во всяком случае, в одиночестве. Мой бог, сколько шума вокруг каких-то старых фонарей!

– Мосты обладают собственным, совершенно особенным волшебством, – сказал я.

Робер засмеялся. Конечно, мои восторги его забавляли. Если Роберу нравилась какая-то девушка, то уж наверняка не из-за ее любви к старым мостам и фонарям бель-эпок.

– Ну хорошо. Все это звучит весьма многообещающе, – подвел он итог игриво-бодрым тоном. – Когда же ваша следующая встреча?

Через пять минут я поссорился с моим лучшим другом.

– Как это у тебя нет номера ее мобильного? – рычал Робер вне себя от ярости. – Боже правый, да можно ли быть таким болваном, дружище! Проводит часы за трепотней о каких-то допотопных фильмах и молью траченных мостах,

а потом даже не спрашивает у нее самого главного! Ален, скажи, что я ошибаюсь, ну скажи!

- Нет, ты не ошибаешься, - хмуро признался я. - В тот момент я не считал, что это главное, вот и все. Очень просто.

Я был недоволен собой. В самом деле, почему я не попросил у Мелани номер телефона? Позорная правда: я просто забыл. В тот первый вечер, когда мы шли по улицам Парижа, преисполненные лунатической уверенности, что нас связало друг с другом нечто большее, чем современная техника, конечно, такой прозаический предмет, как телефон, не играл никакой роли. Но разве мог я объяснить это моему практичному другу?

Робер все не унимался:

- Ты встретил женщину своей жизни и даже не попросил ее дать номер телефона! - Он недоверчиво хохотнул. - Да это же ни в одни ворота не лезет. Ален, ты и правда обитаешь где-то на луне. Алло! Третье тысячелетие на дворе, а ты это хотя бы заметил? Или вы с ней будете посылать друг другу письма голубиной почтой?

- Бог мой, ну спрошу в следующий раз. Я же увижусь с ней в среду.

- А если нет? - Робер не ослаблял хватки. - А вдруг она не придет? Что тогда? Послушай-ка, по-моему, это странно - что она не попросила у тебя номер телефона. И не дала свой. Мои студентки всегда спрашивают номер моего мобильного. - Робер хмыкнул не без самодовольства. - Если хочешь знать мое мнение, не очень-то все это похоже на удачное свидание.

- А твоего мнения не спрашивают, - сказал я. - Какое мне дело до твоих студенток? Мы точно договорились, и, даже если в круг твоих представлений это не вписывается, все-таки есть еще люди, способные целую неделю радоваться предстоящей встрече!.. Да просто держать свое слово, раз договорились, а не перезваниваться сто раз на дню и переназначать свидание, потому что подвернулось что-то более важное! - Я заметил, что мне ужасно приятно отчитывать Робера. - Не всегда все разворачивается с молниеносной быстротой, хотя ты со своими студентками, может быть, именно так привык действовать.

– Тут все дело в силе притяжения, – безмятежно ответил Робер. – Ну что ж, всякий волен считать, что он прав. Во всяком случае, желаю тебе сполна насладиться радостным ожиданием. Надеюсь, не придется ждать понапрасну.

Сарказм, явный сарказм слышался в его тоне! Я начал злиться:

– Да с какой стати ты вообще мотаешь мне нервы? То есть что ты хочешь мне доказать? Что я простофиля? Ну, простофиля. Ладно, я должен был спросить номер ее телефона. А я не спросил. Ну и что! В конце концов, Мелани знает, где находится мой кинотеатр. А я знаю, где она живет.

– Ее зовут Мелани?

Я кивнул. Впервые, говоря с Робером, я упомянул ее имя.

– Да. Забавное совпадение, верно?

– А дальше?

Я не на шутку растерялся и молчал. Да и что я мог сказать? Действительно, простофиля. Только теперь я сообразил, что не знаю фамилию Мелани. И это непростительная оплошность. Я попытался подавить вдруг накативший на меня панический страх. Что, если Робер окажется прав?!

– Д-да... – Я замялся.

– Малыш, малыш... Ну, видно, дело твое труба, – вздохнул Робер.

Затем он прочитал мне небольшую лекцию на тему: почему наша жизнь – это не кино, в котором люди находят друг друга, потом теряют, потом через неделю вдруг, совершенно случайно, встречаются у фонтана Треви – потому как оба, синхронно, решили пойти туда в один и тот же день и час, чтобы бросить монетку в фонтан, загадав желание.

– Но я же знаю, где она живет, – упрямо повторил я. И вдруг моему мысленному взору явилась картина: длинный список фамилий возле кнопок домофона, там,

у ворот дома на улице Бургонь. – Если по какой-то причине она через неделю не появится, я могу пойти к ее дому, расспросить людей. Но я уверен, она придет. Чувство мне говорит, что она придет. А в этих вещах ты, Робер, ничего не смыслишь.

– Ну-ну. Ладно. Может быть. Будем надеяться, все пойдет по плану. – Он недоверчиво хмыкнул. – А если нет, тебе только и останется стоять столбом на парижских мостах и дожидаться, пока однажды вечером на один из них не придет Мелани. Ты же сказал, она любит мосты...

Мелани оставила в «Синема парадиз» письмо для меня. В тот же день. Это был триумф! Но и некоторое огорчение. Триумф – потому что мой друг попал пальцем в небо. Огорчение – потому что меня не было на месте и я не получил письмо лично из рук в руки. Был бы, так еще раз до отъезда увидел бы Мелани. И уж в этот раз не позабыл бы попросить телефон!

А в действительности Франсуа молча протянул мне белый конверт, когда я в пять часов пришел в кинотеатр. Я удивленно повертел в руках конверт, на котором стояло только мое имя.

– Что это?

– От женщины в красном плаще, – преспокойно сообщил Франсуа и, поправив круглые очки в никелированной оправе, посмотрел на меня как-то особенно внимательно. – Она спросила Алена, потом оставила вот это письмо.

– Спасибо.

Я чуть не бегом бросился в кинозал, где в это время еще никого не было. Торопливо разорвал конверт, с отчаянной мыслью, что сейчас узнаю что-то прекрасное. Но увидел совсем короткое послание. Мигом пробежав темно-синие, написанные от руки строчки, я облегченно вздохнул и тогда уж прочитал не спеша, слово за словом.

Милый Алэн!

Ты ведь благополучно добрался до дому вчера? Больше всего мне хотелось бы проводить тебя до улицы Юниверсите, но тогда бы мы всю ночь так и бродили туда и обратно, а мне утром надо было встать пораньше. И все равно я не спала. Поднялась в квартиру – и уже соскучилась по тебе. А проснувшись утром, когда поглядела в окно и увидела старый каштан, вдруг почувствовала, что я очень счастлива. Совсем не знаю, застану ли тебя в кинотеатре (это было бы самое прекрасное, конечно!) или просто подсуну письмо под решетку на двери, чтобы ты сразу его заметил. Это маленький привет от меня перед отъездом. Алэн, я не любительница приключений, но я так радуюсь следующей среде, встрече с тобой и всему, что еще случится в будущем.

Целую тебя,

М.

Она написала: «Я не любительница приключений» – это меня тронуло, несмотря на то что эти слова – цитата. А может, как раз потому и тронуло. Цитата из фильма «Зеленый луч», который шел у нас вчера. Эти слова говорит Дельфина, отшивая своих ухажеров: «Я не любительница приключений».

– Ах, Мелани, моя милая, – пробормотал я в полумраке зрительного зала. – Да, ты не любительница приключений, но это пустяки. Это я как раз и люблю в тебе. Твою ранимость, твою робость. Мир создан не только для смельчаков и неустрашимых авантюристов, горластых и упрямых бойцов, нет, в мире есть место и для тихих, и боязливых, для мечтателей и фантазеров. Без них не существовало бы полутонов, нежных светлых акварелей и невысказанных слов, в которых только и живет фантазия. И разве мечтатели не знают, что настоящие великие приключения всегда происходят в сердце?

Я, конечно, мог бы еще долго говорить речи в защиту «людей второго плана», если бы не шелест, который заставил меня обернуться. В дверях зала стояла мадам Клеман в цветастом рабочем халате, она опиралась на швабру и смотрела на меня с умилением. Я вскочил с места.

– Мадам Клеман! – воскликнул я, мысленно давая зарок впредь не поддаваться эмоциям. – Уж вы не подслушиваете ли? Давно вы тут стоите?

– Э-эх, мсье Боннар, – вздохнула она, не ответив, однако, на мой вопрос. – Вы так хорошо говорили о тихом омуте и голубых мечтах да грезах. Слушала бы и слушала. Была и у меня когда-то в детстве коробка с акварельными красками... поди знай, где она теперь... Когда перестаешь рисовать, то и мечтать перестаешь. Жаль, вообще-то, верно? – По ее лицу скользнула задумчивая улыбка. – А вот как влюбишься, так сразу опять принимаешься мечтать.

Порядком смущенный, я несколько раз торопливо кивнул. Драгоценное письмо сложил и спрятал во внутренний карман пиджака. Кто бы мог подумать, что в моей уборщице вдруг проснется философ?

– Она написала вам? О чем же? – Она смотрела на меня в упор и многозначительно усмехалась.

– Что? – Я чуть не подпрыгнул от удивления. – Ну, знаете ли, мадам Клеман! Совершенно не понимаю, как вы могли... – Я был пойман с поличным, но вовсе не собирался откровенничать о своих сердечных делах. И как это она ухитрилась обо всем пронюхать?

– Франсуа, конечно, рассказал мне про письмо. – Она одарила меня взглядом, полным благожелательности.

Я высоко поднял брови:

– То есть как – «конечно»?

После чего имел удовольствие услышать, что обмен информацией между работниками моего кинотеатра функционирует превосходно.

– Да уж можете не сомневаться, нам всем было очень интересно, как прошел у вас вечер с этой приятной женщиной в красном плаще, – продолжала мадам Клеман, с любопытством поглядывая на меня. Она и в самом деле сказала «нам всем», словно какая-нибудь важная фрейлина при дворе, где все глаза следят за каждым шагом влюбленного правителя. – Но если эта дама уже сегодня пришла и справлялась о вас и даже написала любовное послание, значит вечер прошел самым наилучшим образом.

– Это точно. – Я не удержался от смеха. – Но, мадам Клеман, дорогая, откуда у вас такая уверенность, что письмо – любовное?

Она наклонилась к плечу голову и подбоченилась одной рукой:

– Вот что я вам скажу, мсье Боннар. Я, слава богу, не один десяток лет прожила на этом свете. Да на вас посмотреть – сразу ясно, что с вами творится. Она написала вам любовное письмо. Да-да! – Мадам Клеман сжала палку большими руками и в подтверждение своих слов крепко ударила шваброй об пол. – А теперь идите-ка, мне надо тут подмести, пока еще есть время до начала.

Я сделал легкий поклон и вышел. В фойе я посмотрел на себя в большое зеркало в стиле ар-деко. Да, надо признать, мадам Клеман попала в самую точку. Этот высокий стройный парень с густой темной шевелюрой, с предательским блеском в глазах и совершенно особенной улыбкой, безусловно, влюблен. И это было ясно всякому, имеющему глаза, чтобы видеть.

Я отошел от зеркала. Правда ли письмо любовное? Я вытащил его из кармана и, улыбаясь, перечитал строчка за строчкой – нежные, ласковые слова.

Я улыбался, и не было у меня ни малейшего предчувствия, что я буду перечитывать это письмо снова и снова в течение нескольких недель, что буду хвататься за него как утопающий за соломинку, потому что оно останется единственным свидетельством того счастливого вечера, который завершился под старым каштаном во внутреннем дворе на улице Бургонь.

Потом я долго стоял, глядя на плакат картины «Мелочи жизни», который вчера вечером повесил в фойе рядом с анонсом: «В следующую среду в программе „Les Amours au Paradis“». Я мечтал, чтобы уже настала среда. Ах, как бы мне хотелось сокрушить все законы времени и отдать неделю своей жизни, чтобы сию минуту снова увидеть Мелани. Но она, наверное, сейчас уже на пути в Бретань.

В следующие дни письмо Мелани оставалось у меня в кармане. Я носил его как талисман, оно было со мной везде, словно надежный залог счастья. Вечером я перечитывал его под недреманным оком Орфей – лежал на диване,

пил красное вино, в кровать не ложился. На другое утро я перечитывал его, когда пил кофе эспрессо, сидя за круглым столиком в «Старой голубятне», и долго рассеянно смотрел на дождь, хлеставший по мостовой.

Конечно, это было любовное письмо. И самый прекрасный сюрприз, который преподнесла мне необычная, полная волнений неделя.

Во всяком случае, так я думал до того момента, когда в пятницу, после окончания последнего сеанса, опустил решетку на двери и тут увидел, как из тени выступил маленький человек в тренкоте, который тут же заговорил со мной.

Я знал этого человека, знал и его спутницу. Но понял это не сразу, а лишь через несколько секунд.

Не обессудьте, но я вытаращил глаза и от неожиданности выронил связку ключей. Казалось, все происходило во сне и напоминало ситуацию в первых эпизодах фильма «Ноттинг-Хилл». Передо мной, точно свалившись с неба, стоял собственной персоной знаменитый американский режиссер Аллан Вуд, а рядом с ним изумительная красавица, которой я столько раз восхищался, видя ее на экране.

Солен Авриль, одна из самых знаменитых актрис нашего времени, подала мне руку как старому знакомому.

– Добрый вечер, Ален, – сказала она, одарив меня ослепительной улыбкой. – Я Солен, и я люблю этот кинотеатр.

Бог мой, да здесь же все осталось таким, как было, я помню! Чудесно, это чудесно!

Солен Авриль, радуясь как дитя, шла между рядами кресел, похлопывая рукой по старой бархатной обивке.

– Нет, это же просто невероятно! А ты что скажешь, cheri?[10 - Дорогой (фр.).] Слишком много я обещала или нет? Согласись, ничего подобного мы в Америке никогда бы не нашли.

Аллан Вуд поправил очки в черной роговой оправе и хотел что-то ответить, но Солен, не слушая, опустилась в кресло и грациозно закинула ногу на ногу.

– Совершенство! Это настоящее совершенство! – Она отбросила свою белокурую гриву на спинку кресла. В какой-то момент я не видел ничего, кроме ее волос, которые, словно текучее золото, разлились по красному бархату, и еще я видел ее точеное колено, нетерпеливо приподнимавшееся и опускавшееся. – А какая безумная аура! Уже один этот запах, тут, в старом зрительном зале... Он вдохновляет. А-ах, великолепно, не правда ли? Иди сюда, cheri, посиди здесь тоже!

Аллан Вуд, который стоял рядом со мной и несколько более сдержанно наслаждался «безумной аурой» моего кинотеатра, улыбнулся мне с извиняющимся видом, а затем прошел вперед и стал пробираться по тому ряду, где сидела Солен. Я, все еще ошарашенный, проводил его взглядом. В этом нереальном сценарии мой кинотеатр предстал тоже каким-то совершенно новым и незнакомым.

Тяжелый занавес красного бархата, сейчас он сверху донизу закрывал экран, двадцать три ряда кресел, пол с небольшим подъемом, в задней стене проделано прямоугольное оконце, чтобы кинемеханик мог видеть экран и зал; на стенах – портреты в темных деревянных рамах, черно-белые фотографии: Чарли Чаплин, Жан-Поль Бельмондо, Мишель Пикколи, Роми Шнайдер, Мэрилин Монро, Хэмфри Богарт, Одри Хепбёрн, Джейн Сиберг, Катрин Денёв, Фанни Ардан и Жанна Моро. Они улыбались с затянутых темной тканью стен, как живые, под светом матово-белых светильников в виде шаров.

Но самым прекрасным в зале был полукруглый купол, на который я, вообще-то, редко поднимал взгляд, а мои гости сейчас разглядывали его в полном восторге. Купол над залом был украшен росписью: темно-зеленые ветви, а на них, среди листвы, райские птицы и золотые плоды апельсинов.

– Теперь ты понимаешь, почему я говорю, что смогу сыграть те сцены только здесь? – Солен Авриль драматическим жестом простерла вперед руки с растопыренными пальцами. – Я, конечно, не хотела бы впадать в пафос, ни в коем случае, но вот это все... это все... совсем не то, что какие-нибудь выгородки в павильоне на студии, не правда ли, cheri? Здесь я смогу быть подлинной, играть правдиво, всем сердцем, о, я уже чувствую, просто чувствую. – Она вздохнула со счастливой улыбкой.

Аллан Вуд сел рядом с нею и раскинул руки на спинки соседних кресел. Некоторое время он молча сидел, подняв голову и глядя на купол, потом сказал:

– Yeah, it seems like the perfect place. I really like it![11 - Да, кажется, место идеальное. Мне очень нравится! (англ.)] – Он покрутил головой, оглядываясь вокруг, потом опять посмотрел на потолок. – И пахнет... – Он помахал перед лицом маленькими белыми ладошками. – Тут очень ностальгическая атмосфера. – С американским раскатистым «р» получилось у него забавно: «атмосферрра». – Здесь пахнет... – он щелкнул пальцами, точно пораженный внезапной идеей, – пахнет историей!

Я стоял у дальней стены моего кинозала, молча, уже не в состоянии объективно судить о том, что там говорит Аллан Вуд. На самом деле я был не в состоянии даже понять, происходит все это реально или у меня галлюцинации.

Время близилось к полуночи. Ну, подумал я, наверное, ровно в двенадцать две головы, высящиеся над спинками кресел, растворятся в воздухе и я проснусь дома, в своей кровати, встряхнусь и, пожимая плечами, пробормочу: вот, дескать, приснился знаменитый американский режиссер и одна из самых красивых женщин на свете, привиделось, будто бы они пришли в мою киношку и заявили, что хотят сделать ее местом действия кинокартины. Ведь это так похоже на сон.

Я закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул. Я ощутил пряный, сладковатый аромат, который принесла с собой Солен Авриль, – при каждом ее движении волны благоухания разбегались по залу и достигали меня. Если так пахнет история, то она прямо-таки дурманит.

– Тут правда так пахнет, Ален, или вы используете ароматический спрей?

– Да? Простите? – Вздрогнув, я открыл глаза.

Аллан Вуд, обернувшись, смотрел на меня, его черные брови поползли вверх.

– Ну, вы понимаете. Есть такой спрей для освежения воздуха, – объяснил он. – Я использую у себя дома. Запах – как в старой библиотеке. Создает очень уютную атмосферу. – Легко, точно молодой парень, он поднялся с кресла.

Я покачал головой:

– Нет-нет. Здесь все настоящее. – Я посмотрел на часы. Полночь! И ничего не случилось. Покаясь судьбе, я развел руками. Было ясно: мне ничего не снилось, этот удивительный ночной визит, который вскоре совершенно перевернул всю мою жизнь, происходил в действительности. Невероятно, но факт.

Аллан Вуд и Солен Авриль были здесь, передо мной, в ярко освещенном зрительном зале моего кинотеатра. И они, ничуть не сомневаясь, что за моим согласием дело не станет, твердо решили в ближайшие недели начать в «Синема парадиз» съемки нового фильма.

Я снова потряс головой и вдруг прыснул:

– Здесь-то все настоящее, но я должен признаться, что все еще не могу поверить в вашу реальность! – Я пожал плечами. – Ведь подобное не каждый день случается с обычным человеком... я имею в виду себя.

Аллан Вуд подошел ко мне почти вплотную, я был выше ростом, так что он даже закинул голову, устремив на меня взгляд карих глаз, полный добродушного лукавства. Он протянул руку и потеревил рукав своего тренкота.

– Однако мы настоящие, – сказал он. – Вот, пощупайте! Абсолютно настоящие!

Я потрогал рукав и расплылся в улыбке. Он и правда был «абсолютно настоящим».

Несмотря на то что поначалу я решил было, что передо мной привидение, этот невысокий щуплый человек в тренкоте с самой первой минуты стал мне симпатичен. Он очень деликатно не подал виду, что заметил мое дикое смущение. А вот к реальности Солен Авриль я все еще не мог привыкнуть, хотя она стояла в каком-нибудь метре от меня, разглядывая известную фотографию Одри Хепбёрн, на которой актриса подносит к губам длинный мундштук.

– Очень элегантно, – сказала Солен Авриль. – Что, если и мне завести такой аксессуар, как ты думаешь, cheri? – Она задумчиво вытянула губы и вдруг вздохнула: – Да что уж там, сегодня даже в барах не разрешают курить. Наш мир совершенно утратил чувство стиля, вы не находите, Ален? – Она улыбнулась мне. – Все меняется, и в основном меняется к худшему. – Она наморщила лоб; я с восхищением следил за ее выразительной мимикой. – Как хорошо, что хотя бы «Тиффани» еще есть. Меня это примиряет с действительностью.

Мы вышли в фойе, и я, бросив взгляд через стеклянную дверь на улицу, подумал об удивительной встрече, произошедшей всего какой-нибудь час тому назад и поразившей меня не меньше, чем если бы там, перед входом, приземлились инопланетяне. Вероятно, когда-нибудь я буду рассказывать внукам, что однажды ночью на улице, перед моим кинотеатром, вдруг появились Аллан Вуд и Солен Авриль.

«Аллан Вуд? – пролепетал я, когда человек в тренкоте, стоявший перед дверью моего кинотеатра, назвал себя, и мое неопределенное чувство, что я его знаю, превратилось в уверенность. – Да это же... то есть... вот это да! Тот самый Аллан Вуд из Нью-Йорка? О, ну конечно, конечно, ваше имя мне знакомо!»

Режиссер держался скромно. «Я рад, что вы меня знаете, мсье Боннар. Я замечаю, у нас одинаковое имя. А ведь это забавно, а? Можно я буду называть вас Аллан?»

«Ален», – смущенно поправил я. Аллан Вуд вроде не заметил никакой разницы. «Очень рад, Аллан», – сказал он, приветливо кивая.

«Ален, cheri, его имя Ален, а не Аллан!» – вмешалась Солен Авриль и улыбнулась мне, точно заговорщица. Звезда Голливуда, родившаяся и выросшая в Париже, не забыла тонкостей французского произношения.

«Oh, I see...[12 - А, понял (англ.).] А-а-лэн. – Он попробовал произнести имя еще раз, теперь уже с ударением на второй слог, как полагается. – Итак, Аллэн, извините нас, пожалуйста, за вторжение. Солен меня – как это сказать? – притащила сюда. Она непременно решила показать мне „Синема парадиз“, и такая удача, мы сразу же встретили вас...»

Солен кивнула и с улыбкой подмигнула мне, я тоже кивал и улыбался, точно малость слабоумный. Да мне и впрямь было как-то трудно следить за нитью разговора.

«Я хотел бы поговорить с вами, Аллэн, о моем новом фильме», – сказал тщедушный человечек в тренчкоте.

Если не считать акцента и мелких ошибок, Аллан Вуд объяснялся по-французски на удивление бегло. Окинув взглядом старинный фасад кинотеатра, он даже присвистнул от удовольствия. Потом он дал мне визитную карточку, я сунул ее в нагрудный карман.

«Ваш красивый старый кинотеатр, наверное, понадобится мне для съемок».

«Ага», – ничего более умного мне в голову не пришло. Но зачем же Аллану Вуду моя киношка? Правда, ходила молва, что американский режиссер любит почудить, вот и очки носит круглые, в массивной роговой оправе, но чтобы его чудачества доходили до приобретения старых парижских кинотеатров с серьезным репертуаром – об этом я никогда не слыхал. Да мне в тот момент это было глубоко безразлично – я стоял, замороженный, уставившись, точно сомнамбула, на великолепную Солен Авриль, – белокурая красавица грациозно поправляла мягкую белую шаль, которая, словно легкое облако, лежала у нее на плечах, придавая облику актрисы нечто ангельское. Казалось, она парит в воздухе, не касаясь булыжной мостовой.

«Ах, все это так волнительно! – произнесла она с придыханием. – Я словно опять стала маленькой девочкой. Можно нам войти и посмотреть ваш кинотеатр, Алэн? Пожалуйста!»

Глядя на меня, она положила – всего на миг – руку мне на плечо, и я почувствовал, что колени у меня сделались ватными.

«Ясное дело, – пробормотал я. – Ясное дело». Я попятился к опущенной на двери решетке. Надо сказать, что мне все это тоже казалось «очень волнительным». Даже в самых смелых мечтах мне не пригрезилось бы, что знаменитая королева экрана Солен Авриль в один прекрасный день обратится ко мне с просьбой. Это же как в кино!

Итак, я поднял упавшие ключи, и вскоре мы втроем вошли в наше маленькое фойе. И вот мы стояли в фойе, и Солен Авриль внезапно обнаружила здесь много чего давно знакомого.

– Потрясающе! Я помню это зеркало! – восклицала она. – Посмотри сюда, cheri, эта надпись: «Le r?ve est realite» – ведь она и тогда висела тут, возле кассы! Помнишь, я рассказывала тебе?

Пока Солен Авриль совершала маленькое путешествие в прошлое, Аллан Вуд, оживленно жестикулируя, посвятил меня в свой замысел.

Поначалу я все никак не мог взять в толк, чем вызван этот ночной визит и какова его цель: режиссер и актриса, похоже, были мастерами в искусстве перебивать собеседника чуть ли не на каждом слове. Слушать их было трудно, однако через некоторое время я уразумел примерно следующее. Аллан Вуд задумал снять новый фильм с Солен Авриль в главной роли.

Было уже известно название картины – «Нежные воспоминания о Париже» и, разумеется, место действия – наш город. История любви – женщина ищет потерянную любовь своей юности, когда-то вспыхнувшую в старом кинотеатре и потом еще некоторое время с ним связанную.

Вот за этим они и приехали в Париж. А на «Синема парадиз» остановили свой выбор потому, что Солен ходила сюда в детстве и теперь капризную актрису прямо-таки одолела навязчивая идея, что только в этих старых стенах она сможет сыграть свою роль действительно убедительно. Кроме того, она прожила в Америке уже десять лет и теперь предавалась сентиментальным воспоминаниям о своей жизни в столице Франции. Парижские реминисценции любимой актрисы Аллана Вуда в конечном счете и вдохновили пожилого режиссера на его последний кинопроект.

– Ах, Алэн, цените то, что вы живете в Париже. Я уже по горло сыта Америкой. *Vraiment!*[13 - В самом деле (фр.).] – заявила Солен и с полнейшей непринужденностью взяла меня под руку, когда через час мы снова вышли на улицу, предварительно осмотрев все уголки и закоулки моего кинотеатра. – Как я скучала по этим горбатым улочкам, по чудесным старым домам, по отражению огней в водах Сены... А как пахнет на этих улицах после дождя, а как благоухают каштаны в саду Тюильри! Мне ужасно не хватало всех этих маленьких кафе, быстро и пестроты магазинов в Сен-Жермен... А крохотные *tartes au citron*[14 - Лимонные пирожные (фр.).], а меренги! – Она щебетала, не умолкая ни на минуту, пока мы спускались к набережной, где Аллан Вуд решил взять такси. – В Калифорнии все такое огромное, вы знаете? Пиццы, порции мороженого, магазины, люди, приветливые улыбки официанток – все там размера XXL. Это нервирует! А погода вечно одна и та же. Солнце и солнце. Каждый распроклятый день. Знаете, ведь это жуткая тоска, когда даже времена года не меняются!

Я подумал о нашей отвратительной февральской погоде, от которой большинство парижан форменным образом впадает в депрессию, и покачал головой.

– Эй, такси! – Аллан замахал рукой.

Секундой позже машина подъехала, остановилась у тротуара, мигнула фарами.

На прощание Солен легко коснулась губами моей щеки; Аллан Вуд в это время придерживал для нее дверцу такси. Потом он обернулся ко мне:

– Итак, Аллэн. Спасибо за вашу любезность. – Он обстоятельно похлопал себя по карманам и дал мне – второй раз! – свою визитную карточку. – Если вдруг что-нибудь помешает вам прийти, просто позвоните. А если ничего не случится, в воскресенье вечером встретимся в «Рице». И тогда обсудим все дела, о'кей?

Он протянул мне руку. Для мужчины с такой тщедушной фигуркой у него было неожиданно крепкое рукопожатие.

– Обдумайте наше предложение, друг мой. Если вы предоставите нам кинотеатр, в кассу потекут реальные деньги. – Он подмигнул, точно Аль Пачино собственной персоной. – Я хочу сказать, *real money*.

С этими словами он уселся в такси. Дверца захлопнулась, машина рванула с места и вскоре уже растворилась в бесконечном потоке огней, бежавшем по левому берегу Сены. На правом берегу высились черные на фоне темно-синего неба здания Лувра. Была половина первого ночи. Я стоял на набережной Сены, взбудораженный, в полнейшем смятении после событий не только этого вечера, но и последних трех дней.

Я поцеловал женщину в красном плаще, я получил любовное письмо, мне назначена встреча в отеле «Риц» с Солен Авриль и Алланом Вудом, которые запросто называли меня Ален или Аллэн.

Если моя жизнь и дальше так пойдет – совсем по-новому, бурно, пожалуй, у меня и времени-то не останется, чтобы смотреть кинофильмы, подумал я. Так и было: оказалось, что Бельмондо за мной не угнаться, а «На последнем дыхании» – просто скучная история по сравнению с тем, что довелось пережить мне. Вторую визитную карточку Аллана Вуда я сунул в тот карман куртки, где лежало письмо Мелани, и вдруг у меня возникло чувство – я в центре событий. Не на периферии, а в центре. Опьяняющее чувство.

– Ну а кто сказал, что в жизни уже не может быть никаких неожиданностей? – Робер ткнул в пепельницу свою седьмую по счету сигарету «Голуаз». Он все-таки старался сохранить невозмутимый вид, но не получалось – лицо его выдавало.

Редко доводилось мне видеть друга таким ошарашенным, как в этот субботний предвечерний час. Мы уже довольно давно сидели под красно-бело-синим полосатым тентом кафе «Бонапарт», куда я вызвал Робера нашим особым паролем: «Сенсационные новости».

– О-ох, Ален, дружище, и поэтому ты меня разбудил? Я сплю еще, понимаешь? Да какие уж там сенсации могут быть в твоей жизни... – проворчал он недовольно. – Вот у меня с Мелиссой – о да, сенсационная была ночка, не сомневайся.

– Я и не сомневаюсь, – сказал я, в то же время соображая, какую же из его студенток зовут Мелиссой? – Тем не менее по сравнению с моими новостями это полная ерунда.

– Попробуем угадать. Ты раздобыл номер ее мобильного? Вот уж и впрямь сенсация. Мои поздравления. – Робер сладко зевнул. – Ну, все, что ли?

Я затряс головой:

– Нет-нет, Робер, все не так просто, как тебе кажется. Если я говорю «сенсационно», значит именно это я и имею в виду. Тебе никогда в жизни не догадаться, кто пригласил меня завтра вечером на ужин в «Лице».

– Ну не тяни. Выкладывай.

Я держал паузу.

– Анджелина Джоли? – Робер сам захохотал своей шутке.

– Эй, Робер, а ты почти попал в точку. Молодец, – сказал я, и тут смех оборвался.

– Ну говори, ты что, шутишь?

– Нет, не шучу. В общем, приходи давай и все узнаешь.

Не очень-то приятно сознаваться – может быть, таким образом я выставляю себя в невыгодном свете, – но все же не скрою: после стольких лет, в течение которых я влачил существование «человека на периферии», было ужасно приятно увидеть Робера в смятении. Я рассказал все по порядку, и Робер довольно долго сидел, не произнося ни единого слова. По-моему, впервые в жизни он от удивления потерял дар речи. Он не знал, что сказать. Но, конечно, не потому, что очаровательная Мелани написала мне такое важное письмо и, вопреки убийственным прогнозам Робера, непременно собиралась со мной увидеться, – эту новость мой друг удостоил лишь мимолетной лаконичной реплики, небрежно бросив: «Мило, мило, ну давай дальше!» Зато история с появлением Солен Авриль была событием совсем другого масштаба.

– Солен Авриль? Обалдеть! – Он закурил новую сигарету. – Вот это так да! Слушай-ка, а что, она и в жизни такая супербомба, как на экране?

Я кивнул и, надорвав пакетик, лежавший возле моей чашки, неторопливо высыпал сахар в кофе.

– Я бы сказал, да. Когда вдруг видишь такую женщину совсем рядом, живую, во плоти, – здорово шарахает по голове.

Робер вздохнул, потом отчаянно затянулся сигаретой и задымил как ненормальный.

– Слушай! Нет, как представлю себе, прямо в жар бросает. И, говоришь, эта конфетка целый час провела в твоей киношке?

– Вместе с Алланом Вудом.

– С Алланом Вудом? Что там у старого хрыча с великолепной королевой секса?

– Мне кажется, ничего, насколько я могу судить, конечно. Просто он собирается снимать ее в главной роли в своем новом фильме. И в моем кинотеатре!

– Как же, поверил я! Это я насчет Солен Авриль. Скажу тебе, кто упускает шанс заарканить такую диву, тот попросту слабоумный. – Он бросил на меня совершенно недвусмысленный взгляд. – И уже завтра вечером ты опять с ней встречаешься? В «Рице»? Держу пари – у секс-бомбы там роскошные апартаменты и кровать шириной в половину комнаты. Малыш, малыш, а ведь тебе повезло!

– Боже правый! – воскликнул я. – Робер, мы встретимся, чтобы обсудить ход и порядок съемочных работ. Ну хоть бы раз у тебя были какие-то другие мысли, неужели ты не в состоянии думать о чем-нибудь, кро...

– Нет. – Робер решительно покачал головой. – Если речь идет о такой женщине – нет.

– Ну, что касается меня, я ни на что не претендую. Или ты забыл, что я уже влюблен?

Тут я вспомнил о Мелани, которая должна была вернуться из Бретани только в среду, и подумал: интересно, что она делает в эту минуту? Может быть, гуляет по берегу моря и вспоминает обо мне.

– При чем здесь любовь? – Робер с недоумением смотрел на меня. И мне, как наяву, представилось, как в его голове с наморщенным лбом складываются буквы, составляя слово «идиот». Впрочем, в его мозгу, должно быть, тут же молниеносно промелькнула другая мысль – лицо Робера посветлело. – Скажи-ка, Алэн... Как по-твоему, нельзя ли мне завтра вечером пойти с тобой? Приведешь с собой друга, а?

Я от души расхохотался:

– Ни под каким видом, дорогой мой! Ужин в «Рице» – сугубо деловое мероприятие.

– Ха-ха, сугубо деловое! Это только ты так думаешь. – Робер обиженно надул губы. – Ну ладно, но когда съемки начнутся, позовешь?

– Посмотрим, удастся ли это устроить. – Я ухмыльнулся.

– Э, парень! Как прикажешь тебя понимать? Неужели ты лишишь меня блестящего шанса в жизни? Я же просто хочу познакомиться с этой женщиной.

Он воззрился на меня своими светло-голубыми глазами, сиявшими такой обезоруживающей невинностью, что я начал понимать, почему женщины, за редчайшими исключениями, не могли устоять перед его обаянием. Добыче трудно уйти от этого леопарда с глазами зайчишки.

– Ну а что твоя сенсационная Мелисса? – поинтересовался я, хотя и так знал, какой будет ответ.

– Ну а что с ней может быть? – Робер удивился. – Мелисса славная девчонка. Мучается сейчас с законами Ньютона, у нее скоро экзамены. – Он допил последний глоток кофе. – И потом, все это относительно, как говаривал столь высоко чтимый мной мсье Эйнштейн.

– Безусловно, он имел в виду совсем другие вещи.

– Безусловно, он имел в виду именно эти вещи. – По лицу Робера скользнула хитроватая ухмылка. – Короче, друг ты мне или нет?

Я отодвинул свою чашку и обреченно вздохнул:

– Не сомневайся, я тебе друг.

– А я тебе. Ты мне вот что скажи – у тебя одежонка-то найдется подходящая? Для ужина в «Рице»? Держу пари, с тебя сталось бы заявиться туда в свитере. В «Риц»!

У меня множество недостатков, но вот это пари мой лучший друг Робер Руссель, профессор астрофизики, кумир всех студенток, проиграл бы. Потому что в воскресенье вечером, подъехав на такси к «Рицу», я был в белоснежной рубашке, элегантнейшем темно-синем костюме и при галстукe. Мой внешний вид не оставлял желать лучшего. И Роберу пришлось бы это признать.

Однако в одном пункте мой друг все-таки оказался прав. Ужин с Солен Авриль завершился совсем не так, как рисовалось мне в воображении. И далеко не по-деловому.

12

Драматургия любого хорошего фильма основана на том, что режиссер выбирает момент, когда с героем случается что-нибудь неожиданное или он внезапно узнает о чем-то, решительно меняющем его жизнь. Этот поворотный момент, разделяющий жизнь человека на до-того и после-того, обращающий все события в хорошую или, наоборот, в плохую сторону, и есть подлинное сердце экранного действия. Нередко в дело вмешивается случай или судьба – в конечном счете между ними нет большой разницы.

Мужчина видит, что в проезжающем мимо поезде кого-то убивают. Чиновник находит утром в телефонной будке билет в Рим и, махнув рукой на службу, решает отправиться в путешествие. Женщина обнаруживает в кармане пиджака своего мужа предательский счет за номер в гостинице. Ребенок погибает в автокатастрофе, и существование всей семьи рушится. Мужчина во время пикника в Булонском лесу осознает, что на самом деле любит подругу своей невесты. Трое рассорившихся детей, похоронив мать и вскрыв ее завещание, узнают, что должны вместе совершить паломничество к гробнице святого Иакова, иначе наследство никому из них не достанется. Молодой библиотекарь предотвращает самоубийство несчастной девушки, которая хочет броситься с моста, и между ними вспыхивает любовь. Дочь миллионерши прячет у себя симпатичного грабителя, который постучался в дверь ее номера в отеле. Женатый мужчина через пять лет после окончания войны неожиданно встречает в кафе свою первую любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Привет! (англ.)

2

Между прочим, отличный фильм (англ.).

3

Не важно... Рад познакомиться, мсье Боннар (англ.).

4

Французская синематека – крупнейший в мире архив фильмов и различных документов, связанных с кинематографом, основан в 1936 г., находится в Париже.

5

Lumi?re – свет (фр.).

6

Очевидно, речь идет о картине Клода Моне «Вокзал Сен-Лазар» (1877).

7

«Любовь в раю» (фр.).

8

Аллюзия на эпизод из средневекового романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Во время встречи с королевой Кондвирамур Парцифаль не решается задавать вопросы. «Молчит наш рыцарь перед ней. / (Нам с вами, стало быть, известно: / Герой решил не забывать / Совет, что рыцарю невместно / Вопросы первым задавать...» (перевод Л. Гинзбурга).

9

Прошедшие времена, прошлое (ит.). А также название песни Анны Марли (Смирновой) (1917–2006), писательницы, поэта и композитора, автора свыше 300 песен на пяти языках, среди их исполнителей Эдит Пиаф, Джоан Баэз, Ив Монтан.

10

Дорогой (фр.).

11

Да, кажется, место идеальное. Мне очень нравится! (англ.)

12

А, понял (англ.).

13

В самом деле (фр.).

14

Лимонные пирожные (фр.).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/nikolya-barro/odnazhdy-vecherom-v-parizhe-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)